

Рождение победителя

Автор:

Артем Каменистый

Рождение победителя

Артем Каменистый

Девятый #3

Высадка прошла удачно, но в сложившихся условиях выполнить задание невозможно. Здесь ничего не получается с первого раза, а кое-что не получается вообще. Он не был подготовлен к такому бесперспективному сценарию и сам себя загнал в тупик.

За все в этом мире приходится расплачиваться, в том числе и за свои ошибки. Стандартная плата – кровь. И хорошо, если только своя. Жизнь без цели пуста и притягивает удары судьбы. Вечно бегать или остановиться и наконец дать бой?

Пусть никто не верит в успех, пусть у тебя нет знаний, опыта и вышколенного войска, но самое время показать судьбе, что она не с тем связалась.

Артем Каменистый

Рождение победителя

Пролог

– ...Зверь этот в гневе лют до удивления, а потому приближаться к нему следует с опаской. Даже достойнейшие из рыцарей не могут с ним совладать честным оружием. Не берет его ни железо мягкое, ни сталь каленая, ни бронза древняя языческая, ни серебро освященное, ни кость, ни деревянные острия, ни молоты каменные. Валунны гранитные, сброшенные на волшебного зверя, птицей воспаряют в небеса; ловчие ямы под копытами в твердь превращаются; огонь лютый становится холодом, а чары колдовские не имеют над ним никакой власти. Сведущие люди поговаривают, что способ добыть рог с его лба все же имеется, но очень уж тяжкое это дело. Слаб зверь до чистоты и юной красоты – на то и ловится. Надобно разыскать девицу красивую телесно, без единого изъяна, с душой светлой, несварливую, нежадную, с добрым характером. И непременно чтобы непорочная была – иначе и близко не подпустит. Ее надобно привести на опушку рощи, а дальше пусть идет одна, не оглядываясь и вверх не смотря. А когда он...

Где-то я уже про такой способ слышал. Опять с земной мифологией связь – не первый раз сталкиваюсь. Надо будет этого старичка подробнее расспросить: от кого узнал, откуда вообще суеверие пошло; не доводилось ли встречать слова «единорог», и прочее. Похоже, он еще не окончательно в маразм впал, раз ухитрился пережить здешний апокалипсис, – даже молодым и здоровым здесь нелегко приходилось. Есть шанс, что вспомнит.

Хотя вспомнит или нет – мне это не поможет. И вовсе не из-за того, что его способ нереально труден. Нет, вы не подумайте. Я понимаю, что найти прекрасную девушку с добрым характером (читай, безотказную), и при этом невинную, как цветок весенней фиалки, столь же непросто, как поймать черную кошку в помещении, где ее нет. Но дело вовсе не в этом – я просто не верю в целебную силу шарлатанского снадобья из рога несуществующего зверя.

Но сдаваться нельзя. Я искал и буду продолжать искать способ. Пока не найду. Сколько мне лет? Двадцать девять? Двадцать? Я и сам уже не знаю. Знаю одно – выгляжу на все сто (и это еще оптимистично сказано).

Развалина, в которую за несколько мгновений боя и неизвестно сколько дней лежания пластом превратился цветущий молодой человек. Опустошенное тело, неспособное без передышки подняться на второй этаж башни. Отдыхающее лишь на спине: любая другая поза – это гарантия нестерпимо болезненной ломоты через полчаса. С вечно слезящимися глазами. С шумом в ушах – когда бесконечно мерещатся голоса тех, кто умер или почти умер (что мне теперь до

оставшихся за разделяющей миры бесконечностью?).

Чтобы в очередной раз победить смерть, я сделал то, с чем даже моя почти всемогущая система регенерации не справилась. Не исключено, что я потерял ее безвозвратно, – сгорела от перегрузки. Не выдержала информационного пресса и его физиологических последствий. Она ведь, если я правильно понял, с браком или повреждена. И гарантии на нее не имеется...

Я, кстати, пытался запустить черное сердце «вручную». Для начала пробовал потерять сознание методом нагрузки ног и прерывистого дыхания. Но уже после четвертого неуклюжего приседания, выполненного спиной к стене, в глазах потемнело, колени подогнулись, рухнув, ударился головой. Дух выбило напрочь – чего и добивался (правда, задумывал это не столь жестоко). Ну да ладно: того, чего хотел, все равно добился.

Но без толку. Сколько ни кричал в бездну, ответа не получил. Странный собеседник не появился. Или обиделся из-за чего-то, или ему неинтересно с инвалидом общаться, или тоже остался где-то за бесконечностью.

Не знаю...

Вот и сижу теперь в своем полуразрушенном замке, выслушиваю выживших из ума стариков и мутных типчиков с теми подчеркнуто честными рожами, какие нередко встречаются у профессиональных мошенников. Иногда даже интересные вещи узнаю. Но не те, в которых нуждаюсь.

Я до сих пор не знаю, что случилось. И, вспоминая события, предшествовавшие тому проклятому бою, прихожу к выводу: нелады со мной и до этого были. Нарастали снежным комом. Но я не замечал их – считал, что все идет как надо. Не понимал, что совершаю поступки, которые настоящий Дан вряд ли бы совершил.

Я не замечал простых вещей. Находил сложности там, где не стоило их искать. Делал то, чего делать не стоило ни при каких обстоятельствах. И бездействовал там, где мог справиться с проблемой парой вовремя сказанных слов. Я был дураком, использующим голову для принятия пищи и разбивания бетонных стен, которые умный человек попросту обходит.

Что со мной сделал этот мир?! Или это вина земных «яйцеголовых», спровадивших меня сюда в качестве то ли диверсанта, то ли подопытной морской свинки?

Я не ведаю. Но знаю одно: надо разобраться во всем. И стать прежним Даном. Умеющим думать головой, а не тем местом, которое я в последнее время для этого использовал. И чем быстрее верну себя, тем лучше. Не верю, что спокойная жизнь затянется надолго. Вскоре опять кому-нибудь приспичит накрыть меня медным тазиком. И встретить хозяина посуды должен настоящий Девятый: хитрый и ловкий диверсант из другого мира. А не эта развалина, которая одной рукой ложку с трудом удерживает.

Глава 1

Made in China

Тук привычно помог подняться, поддержал, участливо поинтересовался:

– Сэр страж, как вам сегодня? Лучше не стало?

– Ты же видишь: я порхаю по залу, будто бабочка, и сверкаю как бриллиант. Здоровья столько, что не знаю куда его девать...

– Эх... Вот глядя на вас хочется даже запить. Совсем вы сдали. Чуяло сердце: не надо было с тем чернокнижником драку затевать. Темные те еще шельмы – честной битвы от них не жди. Хоть вы его и укоротили на голову, но он успел вас чем-то отравить. Вот же козлище драный! А может, парилку попробовать с травами сушеными? В прошлый раз почти помогла.

– Если не считать того, что из бани меня пришлось на руках выносить.

– Ну с кем не бывает. Подумаешь – от пара сомлели. Без него ведь сами выходили.

– Ладно. Давай помогай умываться и одеваться.

– Ужинать сейчас будете или опосля?

При одной мысли о еде едва не стошнило желчью. Покачал головой:

– Лучше вообще не сегодня.

– Это вы зря так говорите. Кушать надо – от еды силы прибавляются. И пить тоже надо не воду, а что-нибудь поприличнее. Вино, например. Особенно красное хорошо больным помогает. Если перелом случится – так вообще первое дело.

– Я сломал себе все! Очень хочу излечиться! – донеслось сверху.

Оборачиваться на источник самого гнусного в мире голоса я не стал. И без того насмотрелся. Часами раскачивается на подвесном светильнике, обзывает всех с безнаказанной позиции и периодически клянчит спиртосодержащие жидкости.

Кстати, может, соорудить дистиллятор и выгнать настоящий спирт? Самому напиться с горя и Зеленому дать. Вдруг он дар речи потеряет и прекратит терзать уши? Хотя примитивным перегонным кубом здесь не обойтись – нужной крепости не добиться. Мне надо не меньше девяноста пяти оборотов: меньшим градусом летающую сволочь не удивить.

Стоп! Меня же учили. Дай время и кое-какие материалы, я не то что спирт – бензин девяносто пятый организовать смогу. В моих условиях непростая техническая задача, но решаемая.

Вот даже инвалидностью меня не исправить – так и тянет на нездоровую деятельность. Начав с мысли о спирте, закончил нефтепродуктами высокого качества.

А не пора ли сделать то, что уже не первый день откладываю?

– Тук. Мне надо опять на гору подняться.

– Сэр страж! Да вы одной ногой на похоронах, а опять туда же! Полежите, сил наберитесь. Глядишь, к весне и оклемаетесь, а там уж ходите куда вздумается.

– Тук, кто из нас главный?

– Простите, сэр страж. Вы, конечно. От души ведь говорю. Боязно за вас.

Кивнув на затянутое мутной пленкой окно, я уточнил:

– Как там с погодой?

– Да похолодало изрядно. Под утро иней был, и на мелких лужах ледок иголками. Местные поговаривают, что зима обещает быть холодной.

Меня это вполне устраивало. Главное, что дождя нет. Непромокаемая одежда в этом мире неизвестна. Плащи, наливаясь влагой, становятся свинцовыми, что в моем положении просто беда – тут бы сухое тряпье на плечах удержать. Каждый лишний грамм давит на спину, прессует, выбивает последние капли сил. Ненавистная осень – и еще более ненавистная зима. Не любил их на Земле – и здесь не люблю. Несколько дней подряд моросит. Когда второй раз ходил к ковчегу, на обратном пути вымок и простудился. Наверное, это была последняя капля. Если поначалу, после комы, казалось, что дальше пойду на поправку, то теперь потянулся беспросветный инвалидный застой.

Нет, надо идти именно сегодня. Пока опять дождь не зарядил.

– Тук. Лошадей готовь. И сходи к Грату, заberi у него железку, которую я заказывал. Поедем к ковчегу.

– Дело, конечно, ваше, да только зря вы это в самом деле. Ковчег железный много лет простоял и еще долго стоять будет. Никуда не денется. А куда ему деваться, такому тяжелому?

– Лошадей готовь. И Трее скажи, чтобы отвар мне сделала. И горячим пусть его принесут, а не как вчера.

– Отвар помогает?

– Конечно. Иди давай.

Не буду же объяснять, что он для меня вместо чая, а не лекарства. Хоть на несколько минут озноб прекращается, если горячего выпьешь.

* * *

Опять Языческий холм. Дважды проклятое место: темное капище на вершине, и здоровье свое там же оставил. Лысые серые склоны – лишь редкие тощие кустики не брезгают расти на бесплодных камнях. Тощая трава уже поникла, мертвые стебли прибило к земле ветром. Лишь лишайникам непогода нипочем – их блекло-зеленые язвы не изменяются в зависимости от сезона.

Под копытами лошадей осыпается щебень. Меня не отпустили одного – хотя в окрестностях замка давно не показывались враждебно настроенные личности, но оставлять беспомощного сюзерена без охраны нельзя. Само собой, Тук поперся (очень недовольный – в Мальроке ведь гораздо веселее, чем здесь); Альтра – Рыжая Смерть, или просто любопытная местная девушка; и Амед – один из четверых убийц, которых за мной послал «друг-инквизитор». Из хесков тогда уцелело лишь трое, причем все они теперь обязаны мне душой и жизнью. Дожидаются момента, когда смогут расплатиться – спасти стража, после чего опять станут независимой шайкой.

Вот такой у меня эскорт: толстозадый зеленый попугай с подлыми глазами; плечистый горбун с арбузного размера кулаками; огненно-рыжая малышка с невинными глазами, с ног до головы увешанная кинжалами, ножами, какими-то серпами, с луком за спиной; и нездорово-спокойный душегуб с внешностью профессионального висельника. Если на холме встретится кто-нибудь нехороший, наверняка останется заикой от одного взгляда на такую милую компанию.

Зеленый уже десять раз пожалел, что сменил теплый насест светильника в донжоне на плечо дистрофика. Дождя нет, но холодно и ветер задувает. На этом холме даже при полном штиле так всегда – странное место. Попугай и рад бы остаться, но подслушанные разговоры навели его на подозрение, что мы идем открывать нечто очень большое, куда много лет не заглядывали люди. Если предположить, что там хранится вино (а он всегда и во всем первом делом

подозревает наличие вина), то выдержка у напитка должна быть отменная. Это я Туку ради шутки сказал, но птиц таких шуток не понимает – решил лично проконтролировать процесс, опасаясь, что в противном случае может оказаться обделенным.

Вот и сарай. Ветхое сооружение, построенное землянином. Как сюда попал этот человек, я не представляю. Ведь если верить тем, кто меня сюда забросил, даже перенос одного грамма невозможен – всей энергии Вселенной на это не хватит. В противном случае я бы попал сюда в своем теле, а не в виде информационной матрицы.

А этот вот попал. Причем не с пустыми руками – пару танков с собой прихватил. Одну машину давно поглотили коварные пески аномалии, вторая стоит в сарае, запертая на ржавые замки.

Ничего – я не зря второй раз сюда поднимался, прихватив немного воска и пергамента. Справлюсь.

Спешиться смог самостоятельно, и даже голова при этом не закружилась. Удачно получилось. Придя в себя после такого великого свершения, попросил:

– Постойте здесь. Я недолго.

– Не задерживайтесь, – попросила Рыжая.

– Я помню об опасности, – улыбаюсь девушке и захожу в сарай.

Хоть и помню, но не боюсь. Не знаю, какая чума занесла сюда этот танк, но сильно подозреваю – в процессе этого его здорово облучило. Он превратился в радиоактивный объект, пребывание рядом с которым вызывает лучевую болезнь. Здешние лекари справиться с ней не могли, из-за чего место стало непопулярным. При всей дороговизне металла ни один кузнец не рискнул отломить от ковчега что-нибудь на память.

Прошло время, фон должен снизиться. По крайней мере, очень на это надеюсь. Попугай, правда, ведет себя спокойно, но его чутье на радиоактивное излучение под большим вопросом, так что он не показатель.

Землянин, как я понял, тоже долго не протянул. Но мужиком он был сообразительным, знающим многое. Отпущенного срока хватило, чтобы у местных появились эффективные водяные мельницы, производительная добыча строительного камня и свинцовые копи где-то на севере. Устроил здесь такой прогресс, что его до сих пор вспоминают добрым словом. Хотя и прибавляют при этом, что выглядел тот человек странно. Совсем непохожим на нормальных людей.

Вот этот пункт мне непонятен. С моей точки зрения здешние жители если и отличаются от землян, то в лучшую сторону. Исключительно европеоиды (я не расист, но приятнее иметь дело с такими же белыми, как сам: как-то привычнее), нормального телосложения (бедолаг вроде Тука немного), с чистой кожей, физически здоровые и без тараканов в голове. Нет единых строжайших требований к внешности и поведению, отклонения от которых чреваты общественным порицанием. Хочешь – бороду отращивай. Не хочешь – брейся. Благо опасные бритвы из приличной стали не такая уж редкость. Шапку лишь в храме положено снимать: в простых домах – по своему усмотрению. Ну и прочий либерализм.

А какие здесь женщины! Мне раньше все не до них было – уж сильно жить хотелось, вот и занимался спасением себя любимого с утра до вечера. А теперь, когда свободного времени навалом, сумел оценить. На все вкусы: и стройные красотки, и приятные пышечки, недотроги-скромняшки – и очень даже пристально интересующиеся сильным полом, вплоть до полной бесстыжести. Если здесь и держат девиц под замком, то открывается он любой шпилькой. Бедолага-епископ пытается поднять нравы на высоту местного Эвереста, но пока что даже в его общине они на уровне укатанной горки, а про бакайцев лучше вообще помалкивать. Даже в сторону бессильного инвалида чертовки-островитянки не забывают бросать такие взгляды, что в очередной отчет постоянно тянет вставить заявку на ящик виагры: без нее я теперь только печально поглядывать способен.

И если кто-то думает, что в отсутствие косметических салонов женщины не могут следить за собой достойно, он сильно ошибается. Да, местные не используют сантиметрового слоя штукатурки, но в остальном все просто замечательно. Хоть прически и простые, но волосы ухоженные; чистая гладкая кожа, которую берегут пуще девичьей чести (ни одна не станет портки стирать, прежде чем не смажет руки какой-то защитной гадостью); кое-кто даже ногти отращивает (не пойму, как при этом ухитряются работать?). В теплые дни

некоторые не стесняются носить юбки чуть ниже колен, демонстрируя ноги, знакомые с бритвой или даже депиляцией. И не только ноги – доводилось мне однажды видеть голую местную женщину. Точнее, не совсем женщину. А, ладно... что я опять о грустном...

Танковая броня обжигает холодом. Жалею, что не взял перчаток. Ну да не возвращаться же. Вот и люк, обследованный в прошлый раз. Мой коллега-землянин закрыл его на винтовой замок, а я, разобравшись в конструкции, сделал восковой оттиск и нарисовал чертеж для кузнеца. Грат к моим заявкам привык и легко выковал требуемое. Сейчас проверим, не напутал ли с размерами.

Не напутал – шестигранная трубка ключа легко вошла в отверстие, повернулась до упора. Выступы теперь в пазах замка. Начинаю поворачивать рукоятку по часовой стрелке, но безуспешно. Не подходит или заржавело? И то и другое вполне вероятно – я не мастер-взломщик, а танк слишком долго простоял без дела.

Кручу в другую сторону... с тем же нулевым эффектом. Но не отчаиваюсь – пробую расшатать механизм. Все так же безуспешно, к тому же руки начинают дрожать – даже мелкое усилие на меня действует плохо.

Позвать на помощь? Нет уж! Это дело чести! Я должен справиться сам!

К тому же не следует забывать о радиации. Утешаю себя мыслями, что за столько лет фон снизился до безопасного, но нельзя исключать и другого варианта. А раз так, то не стоит подвергать людей опасности. На себя уже почти наплевать, но зачем же товарищами рисковать.

Наваливаюсь на рукоятку в отчаянном усилии. Без толку. В другую сторону. Оп! Сдвинулась! На пару миллиметров, но ключ все же повернулся. Теперь назад – расшатывая, увеличивая свободный ход.

Когда ключ совершил полный оборот, я взмок. А ведь это лишь один из многих – его еще крутить и крутить. Земляк! Зачем же ты закрыл машину так жестоко?! И что ты там такое спрятал, раз принял столь суровые меры предосторожности? Хорошо, если бы лекарство от всех болезней – даже неизвестных. Я от такого сейчас отказываться не стану.

После короткой передышки вновь взялся за дело. Ключ хотя и с трудом, но шел дальше и дальше. Механизм сильно заржавел, ему бы немного масла не помешало. Не сомневаюсь, что в маслобаках танка его хватает, вот только понятия не имею, как до них добраться. Люки двигательного отсека закрыты так же старательно, и возиться еще и с ними смысла не вижу.

Ключ пошел легко. Даже слишком легко. Похоже, все.

С душевным трепетом берусь за ручку, тяну, и... И ничего. Нет – крышка поддается, вот только сил поднять ее нет.

Ничего, я обязательно справлюсь. Без посторонней помощи.

Продеваю в ручку кинжал в ножнах, ухватываюсь, тяну двумя руками. Есть! С трудом, но открываю. Вот и черный проем люка. В последнем усилии отбрасываю крышку в сторону. Она откидывается с грохотом, в стороны отлетают куски механизма петель, а сам броневой диск с оглушительным грохотом скатывается с башни, ударяется о корпус, отскакивает, пробивает ветхую стену сарая, исчезает из глаз. Попугай с негодующим воплем взмывает с плеча, ударяется о низкий потолок, на голову сыплется труха.

Хорошо хоть по ноге не врезало. Железяка серьезная – из сорок пятого размера за секунду может сделать тридцать шестой.

Странно. Я был лучшего мнения о танках. Их ведь снаряд не должен брать – они чуть ли не вечные. А этот простоял немного под открытым небом, потом в сарае – и теперь рассыпается на глазах.

Может, его не радиация, а что-то другое накрыло? Какая-нибудь химия агрессивная. Хотя краска вон почти не облезла. С другой стороны, люк отвалился при открытии, а такого быть не должно. Опасно ведь для экипажа – можно без пальцев остаться или даже без головы. Или отлетит, как сейчас, и угодит во что-то совсем уж бесценное. Например, пробьет корпус батальонной полевой кухни или помнет дверцу личной командирской «Волги».

– Сэр страж! Что с вами?!

В дверном проеме показалась взволнованная Рыжая, за ее спиной так же переживает Тук, а в неровное окно, проделанное крышкой люка, заглядывает криминальная морда Амеда.

С трудом смирив дыхание, почти спокойно отвечаю:

– Со мной все в порядке. Не заходите сюда.

Спутники неохотно удаляются, а я наконец заглядываю в башню.

Темно, пыльно, пахнет чем-то затхло-техническим.

– Тук! Зажги фонарь и принеси мне!

Горбуна долго ждать не надо – показывается на пороге, ловко взбирается на броню, протягивает фонарь. Железно-деревянный каркас, обклеенный пластинами клееной слюды, внутри горит свеча. Не сказать чтобы яркая штука, но другого нет. Вот теперь можно забраться внутрь.

В жизни я много где побывал, но в танке как-то не доводилось. И не жалею – судя по тому, что увидел, потерял немного. Тесно, мрачно, броня будто давит сразу со всех сторон. Как они вообще в пространстве ориентируются? Все равно что ездить с непрозрачными стеклами. Спартанские сиденья, какие-то неизвестного назначения приборы и механизмы, радиостанция, длинные свертки в задней части башни, металлические ящички, намекающие на богатое содержимое. И кожаная планшетка, подвешенная на казенной части орудия. Не надо быть гением, чтобы догадаться: тот, кто ее здесь оставил, очень сильно хотел, чтобы она бросилась в глаза.

Я не стал бездумно хватать это послание трясущимися от волнения руками. По очень простой причине: не хотел, чтобы эти самые руки оторвало от тела взрывом гранаты или мины. Мало ли что было на уме у того, кто закрывал танк последним!

Чистой воды паранойя. Захоти он убить того, кто сюда влезет, – устроил бы взрыв боеукладки при попытке открыть люк. Я, может, и гражданское лицо, но догадался, что спрятано в свертках. Снаряды, тщательно завернутые в

просмоленную парусину. Наверное, с целью лучшей сохранности. Кстати, боеприпасов для орудия маловато. Скорее, даже очень маловато. Я, конечно, не специалист по бронетехнике, но уверен – их должно быть больше восьми. Куда делись остальные? Неизвестно...

Ладно. Здесь должно быть еще кое-что очень ценное, причем доступное для моего понимания. А именно – пулеметы. Я, если откровенно, по ним тоже не спец, но и не полный болван. Кое-какой минимум по обращению с различными образцами огнестрельного оружия давали перед заброской. А еще в том бою, после которого превратился в дряхлую развалину, когда суетливо листал «книгу» чужих знаний, по неопытности «загрузил» в себя несколько лишних страниц. В том числе и воспоминания какого-то безымянного солдата, прикрывавшего отход частей Красной армии. Его оставили на смерть, и он это понимал. Раненный в ногу – двойная обуза для товарищей: и сам идти быстро не может, и «станкач» ноша серьезная. Дело происходило возле какой-то неширокой речки. Один берег заболоченный, второй возвышенный. Вместо того чтобы засесть на горке, как поступил бы я, этот боец устроил крошечный окопчик понижу, в жидких кустиках. Когда на лугу показались враги, он позволил им выйти из зарослей, а потом буквально выкосил, аккуратно водя стволом в считанных сантиметрах от земли. На ровной как стол болотине немцы, даже падая плашмя, не находили укрытий, а вот он, лежа по уши в воде, не обращал внимания на их пальбу.

Пули, промазав мимо солдат в первых рядах, летели дальше, подстригая осоку и находя жертвы позади. Только тогда мне стало понятно, почему он не устроился на горке: с высокой позиции такого фокуса не получится. Патронов у него имелось прилично – знатную жатву устроил. Жаль, не знаю, чем все закончилось, – возможности досматривать не было.

Я это вот к чему вспомнил: тот красноармеец в пулеметах толк знал, и кое-что мне от него досталось. Трудно ожидать, что здесь установлено такое же оружие, но общий принцип, надеюсь, схож.

А вот тут меня ждал первый жесточайший облом – пулеметов в танке не оказалось.

Я, конечно, дуб-дерево в бронетехнике, но пулемет совсем на иголку не похож – не спрячется. Напрягая мозговые извилины, даже вспомнил, что один вроде бы обычно ставят вместе с орудием, чтобы наводчик не тратил дорогостоящих

снарядов на цели, которые доступны для недорогих пуль. Даже нашел следы, где он когда-то крепился. Но теперь его нет.

Почему? Танк попал сюда неукомплектованным? Или... Что здесь вообще самое ценное с моей точки зрения? Естественно, пулеметы – я не зря их ищу с таким энтузиазмом. Мобильное оружие невиданной по местным меркам огневой мощи. Пока не закончится боезапас – я непобедим. Думаю, и мой предшественник это понимал и наверняка снял их первым делом. Пушку оставил. И правильно сделал: тяжелая, без станка, более-менее эффективная разве что при осаде или защите крепостей. Хотя восемь снарядов – слишком несерьезно даже для этого. Рация и двигатель здесь тоже никому не нужны. Вот генератор еще снять не помешает – пригодится для демонстрации фокусов аборигенам. Да и кое-что попрacticalнее можно придумать – например, гальванирование ювелирных изделий. Вряд ли здесь такая технология известна: пока что никаких намеков на использование электричества не находил. Под это дело можно и лампочки выкрутить везде, где есть. Но это малозначительные мелочи.

Кстати, мой предшественник увлекался строительством водяных мельниц. Может, хотел электростанцию на реке построить? Хотя много ли наработаешь от танкового генератора...

Ладно, чего гадать. Есть планшетка, которую повесили не просто так. Рыжая упоминала о каких-то скрижалях. Спорю на что угодно – речь шла как раз о записях землянина. Оставил послание тем, кто придет вслед за ним. Надеюсь, он не забыл упомянуть место, где спрятал пулеметы. Без них мне останется довольствоваться орудием со скромным боекомплектom, инструментами, если они здесь есть, и несколькими малополезными безделушками. Разве что тонны брони еще, но с ней не ясно ничего – может, металл по местным меркам никуда не годный. К тому же не исключено, что фонит она до сих пор, а я расселся на холодном сиденье и никуда не тороплюсь. Хотя попугай по-прежнему ведет себя спокойно – сидит на краю люка и внимательно следит за мной в ожидании момента, когда же на свет появится вино. А он, судя по его поведению на древнем руднике, радиацию должен чувствовать.

В планшетке меня караулил второй жесточайший облом.

Нет, я не ошибся в своих предположениях. Там действительно оказались бумаги. Плотный пакет из все той же парусины, заклеенный смолой. Пришлось поработать кинжалом еще раз, чтобы добраться до записей. Позабыв про

опасность радиации или отравления чем-нибудь непонятным, подсветил, жадно уставился.

И чуть не расхохотался.

Нет, высшие силы действительно существуют, причем смысл их существования – исключительно в издевательствах надо мной. Не может ведь неуправляемая судьба раз за разом устраивать со мной такие шутки! Мало того что без пулеметов остался, так еще и...

Выбрался на броню, исследовал башню. Вот не зря первый раз мне эта звездочка какой-то неправильной показалась. Как бы красная, но каемка непонятная. Теперь при свете убедился, что не ошибся. Каемка имеется. Желтая. И еще знак в центре – тоже желтый. На серп и молот ни разу непохожий. А похож он на те закорючки, которыми испачканы все бумаги в пакете.

И отвалившийся люк вспомнился – зримый показатель качества сборки.

Покосившись на планшетку, вздохнул.

Сплошное невезение.

* * *

На этих двух обломах мои сегодняшние злоключения не закончились. Едва я, уставший и поникший, с помощью Тука вскарабкался в седло, как небо решило, что хватит терпеть, – опять полилось. Дождь, временами едва морозящий, а временами очень даже приличный, сопровождал нас до самого замка. Натянув капюшон отяжелевшего плаща, я мечтал лишь об одном: быстрее в донжон – к чашке с горячим отваром. А может, и кое-что покрепче себе позволю. Даже мысли о птичьем бульоне проскакивали, но приходилось их отгонять. Дичь в окрестностях охотники повыбили, а кур у нас осталось мало – на развод держим. Есть, правда, немного овец – их местные пригнали с горных пастбищ, куда не добралась ни погань, ни армия Ортара. Но, представив отвратительно жирную бурду из баранины, чуть с лошади не сверзился.

Короткое приключение с танком высосало последние силы. Встречая на дороге подданных, я с трудом вскидывал руку в приветствии. Со стороны это, наверное, выглядело очень натужно. Плевать – во всем Межгорье, наверное, нет человека, который бы не знал, в какую развалину превратился сэр страж.

Перед воротами пришлось остановиться: телега, груженная дровами, решила именно здесь остаться без колеса. Мужик, ею управлявший, не нашел ничего лучшего, чем устроить феерический скандал. Стражники, как и полагается, требовали от него побыстрее убрать свой хлам с проезжей части. А он, вместо того чтобы заняться этим нужным делом, обзывал их на все лады, обвиняя в произошедшем несчастье. Дескать, ворота открыли не полностью, вот и зацепился.

Правда, при виде нашей кавалькады все начали шевелиться и кое-как сдвинули повозку в сторону, освободив узкий проход. Но пришлось простоять под дождем несколько лишних минут – укрытий от непогоды перед башней не было.

А потом – плетеное кресло перед камином, толстостенная кружка с глинтвейном, попрошайка-попугай и последующий прерывистый сон. Не успеешь отключиться, как пробуждаешься от приступа режущей боли в спине или еще чего-нибудь столь же нехорошего.

Мечтал о спокойной жизни, а получил пытку...

* * *

«Продолжение отчета добровольца номер девять. Надиктовано попугаю неустановленной породы в главной башне замка Мальрок, находящегося в Межгорье. Только не уточняйте, пожалуйста, где находится само Межгорье, – спросите что-нибудь полегче.

Дядя Ваня, прошу прощения за очередной перерыв. Нет, не волнуйтесь: все это время я был жив и находился в сознании. Просто хреново очень. На душе и вообще. Болен я серьезно. Настолько серьезно, что, будь дело на Земле, мне бы дали пенсию безо всяких справок – только на лицо взглянув. Не до отчетов мне. Лежу днями, в потолок уставившись. Даже поплевывать в него сил не хватает. Не думаю, что, попади вам в руки мое запоминающее биологическое устройство

(Зеленый! А ну убрал башку из моего бокала! Дырку клювом просверлишь!), вы бы с интересом выслушивали детальные описания потолочных перекрытий.

Других новостей не было. Народ работает, мне даже время от времени докладывают об успехах, а я как глядел в потолок, так и гляжу. Жизнь проходит мимо.

Сегодня впервые за несколько недель выпало что-то новенькое. Помните, я рассказывал вам про танк на холме? Сегодня я опять к нему съездил, изучил подробнее. Начну с хорошей новости: за время моего отсутствия его никто не украл.

А теперь о плохом: в нем не оказалось пулеметов. Так что прошу считать недействительными мои опрометчивые слова по поводу снятия заявки на крупнокалиберное автоматическое вооружение. Взрывайте сверхновые или сразу всю Вселенную и везите. Испытываю в них большую нужду. Нет, не в данный момент. Но, боюсь, вскоре понадобятся. Так и чувствую, что сюда приближается нечто или некто, испытывающий нездоровый интерес к вашему девятому добровольцу. Понятия не имею – смогу ли в своем нынешнем состоянии нажать на гашетку, но попробовать стоит.

Вторая плохая новость – в танке оказалось послание от человека, который сюда попал с Земли. Того самого – жертвы неведомого феномена, который иногда наблюдается на капище. Вы, конечно, спросите: «А чего же тут плохого?» Я вам отвечу: «А потому что я ни фиги не смог прочитать!»

Нет, не подумайте, я не безграмотный. Но хоть и учился в инязе, к полиглотам меня отнести трудно. Ваня, я по-китайски знаю только одно слово: кун-фу. К тому же не уверен, что произношу его правильно. И не спрашивайте, как оно пишется, – за все сокровища мира не отвечу. Не потому что это секретная информация – просто не знаю ни одного иероглифа. А в бумагах, которые мне оставил этот милый человек, кроме иероглифов, нет ничего.

Это китайский танк! Мне следовало об этом догадаться сразу после того, как отвалился башенный люк. Показатель национального качества – даже в бронетехнике не гнушаются использовать картонные детали. Не исключено, что пулеметов на нем вообще никогда не было по причине того, что забыли поставить.

Такая вот коллизия...

Ввиду новых обстоятельств ко всем прежним заявкам добавляю самоучитель китайского – очень интересно узнать, что же написал мой предшественник. Наверняка смогу выяснить – как он сюда попал, историю танков и причины их загадочной опасности для окружающих. Кто знает – может, на основе этой информации научусь открывать дверь между мирами левой пяткой.

Кстати, эталон из благородных металлов мне больше не нужен – в планшетке нашлась офицерская линейка. Точности до третьего знака после запятой я с ней не достигну, но всегда можно сравнить с другими источниками – в танке полным-полно приветов от метрической системы. Так что вместо тяжелого платинового стержня пришлите бутылочку чего-нибудь крепкого для моего диктофона – винный погреб замка не бездонен.

И экстрасенса или ведьму. Похоже, только они мне помогут. Случай не медицинский – будто связь души и тела нарушена.

И не надо говорить, что ведьму я и здесь найти смогу. Они, конечно, существуют, вот только живут ровно до того момента, когда о них узнают люди вроде карающих или нашего милого Конфидуса. После этого здешних экстрасенсов волокут на костер. На современной Земле с ними обращаются гораздо гуманнее, так что вам их прислать гораздо проще.

Ваш Девятый.

P.S. И резиновую грелку пришлите. Донжон отремонтировали, но здешние мастера – люди суровые и от потребителей требуют проявления выносливости: щелей хватает, а камину до русской печи далеко. Сквозняки. Мерзну».

Глава 2

Инвалид на хозяйстве

Тук сегодня мрачнее тучи – в последнее время он почти всегда такой. Горб не мешает ему носить звание главного бакайского бабника, да только теперь оно скорее почетное. Если раньше, при здоровом сюзерене, он мог себе позволить по десять раз на дню устраивать короткие отлучки с целью завоевания очередного женского сердца или иного органа, то теперь малина закончилась. Сэр страж превратился в скелет, обтянутый кожей, его того и гляди сквозняком в форточку затянет. Глаз да глаз за таким беспомощным дистрофиком нужен.

Вот и ходит вокруг, вздыхает, постоянно ищет, чего бы выпить, – это у него сублимация такая. Попугай и раньше его уважал (хотя и своеобразно), а теперь вообще боится на шаг отпустить, чтобы без него все не употребил. Я даже ревновать начал – птиц горбуну внимания уделяет больше, чем мне.

Раньше я целыми днями валялся в надежде, что постельный режим поможет организму справиться с недугом. Но теперь наконец честно признался себе – толку от этого не предвидится. Болезнь моя необычна. Да и не болезнь это: странные последствия наложения эффекта от жадного контакта с неведомым банком данных на тело, в котором недавно поселился чуждый разум, а перед этим с ним делали что-то загадочное. Да и пыток в инквизиторском подвале не стоит сбрасывать со счета, как и ранений в сочетании с непрерывной полосой стрессовых ситуаций.

Вот и гадай теперь – в чем именно причина моего нехорошего состояния?

Но я по натуре оптимист, и, отгоняя совсем уж мрачные предположения, что буду доживать свой здешний век развалиной, делающей по две передышки на пути к отапливаемому сортиру, начал задумываться о ближайшем светлом будущем. Вокруг кипит бурная деятельность: продолжается ремонт замковых строений, несмотря на заморозки и ненастную погоду, народ тащит в Мальрок все, чем богата округа. Спешат заполнить кладовые под потолочные перекрытия, чтобы протянуть до посеянных озимых. Хозяйственный епископ почти ежедневно зачитывает мне списки трофеев. Он очень переживает по поводу возможного голода, но с каждым днем все меньше и меньше. Единственное, что его сильно печалит, – засилье озерной и речной рыбы в нашем рационе. Он ее уже почти ненавидит.

Ничего, как-нибудь перетопчется. Тем более епископ – ему поститься по сану положено.

Надо подниматься и начинать что-нибудь делать. Я ведь умный и хороший человек – нельзя, чтобы такое сокровище отлеживалось днями без малейшей пользы для Вселенной. К тому же мои подчиненные малочисленны, находятся в недружелюбной местности – глаз да глаз за ними нужен. Не справятся собственными силами. Приходится из кожи вон лезть, чтобы выжить здесь со столь неблагоприятным стартовым набором.

А я валяюсь, ничем не воздействуя на ситуацию...

– Тук.

– Да здесь я. Не украли. Да и кому нужно горбатое добро?

– Мой плащ высох?

– А куда он денется. Будто с бродяги снят. Совсем драный. Где бы новый справить – кожи доброй никак не могу найти.

– Неси.

– И чего это вам плащ понадобился?

– Чтобы надеть. И хватит лакать эту бурду! Что хоть пьешь?

– Чистейшую родниковую воду, – наивно попытался отмазать собутыльника попугай.

– Даже не смешно. Водохлебы выискались... Стоит мне вас оставить без присмотра, так сразу вино в погребе начинает убывать.

– Почему сразу вино? – обиделся Тук. – Нам чужого не надо. Правда, птица?

– Мы люди честные. Так что отдавай нам свои деньги, и у нас они не пропадут, – как-то сомнительно поддакнул попугай.

– Яблоки уродили неплохо, – продолжил горбун. – Жалко – сгниют ведь.

– И ты, значит, спас их, пустив на пойло? – догадался я.

– Вот все вы знаете сами, а спрашиваете зачем-то. Пришлось спасать – куда ж деваться, если надо.

– То-то яблоками от попугая все время разит. Я думал, он на фруктовую диету переключился, а вон в чем дело... Долго болтать будешь? Плащ неси.

– Сэр страж, вы никак выходить вздумали? Погодка сегодня не ахти – ветер сырой. Как бы не продуло до простуды. В вашем состоянии до беды недалеко.

– Тук. Мне вот интересно: сэр Флорис тебя никогда за болтливость не порол?

– Ну что вы сразу так! Совсем характер испортился из-за болезни! Раньше сама доброта были!

– Тук!

– Молчу! Молчу! Сейчас принесу плащ. Щеткой только пройду по нему хоть разок и сухого мха в сапоги набью, раз уж вам так неймется длиннющими соплями обвешаться.

Тук пошел вверх. Где-то там, под перекрытиями, возле каминной трубы, он сушит тряпье. Начав потихоньку одеваться, я в который раз уточнил у Зеленого:

– Твой магистр ничего полезного мне не передавал? Например, рецепт лекарства? Или хотя бы пару слов насчет того, когда это безобразие закончится? И закончится ли вообще?

Попугай, не переставая чистить перышки, ответил гнусно:

– Лекарь велел передать, что ты сдохнешь.

– Спасибо, птиц... умеешь ты утешать...

Видимо, мой тон попугаю не понравился. Бросив свое занятие, он нравоучительным тоном посоветовал:

– Выпить тебе надо и к бабам сходить. Для начала...

– С таким началом точно сдохну...

* * *

Тук, к сожалению, не обманул – погода и впрямь не способствовала прогулкам дистрофиков. Пронизывающий до костей сырой холодный ветер; сплошная пелена свинцовой облачности, едва не касающейся макушки; мельчайшая водная пудра, пропитавшая воздух. Дождя как бы нет, но постоишь несколько минут – и плащ становится мокрым.

На стену я забрался без передышек – не хотел на глазах у народа позориться лишний раз. Благо лестницу давно починили и не приходится карабкаться по сомнительным стремянкам.

Наверху был вынужден остановиться для пополнения запаса кислорода – дышал будто лошадь загнанная. Арисат, не обращая внимания на мое состояние, не переставал отчитываться, давясь скороговоркой слов, – давненько я оборонительного хозяйства не инспектировал.

– Стены, как видите, в полном порядке. И верхние перекрытия на башнях тоже восстановили, но внутри работы еще много. Настилов сплошных нет, лишь площадки у внешних амбразур временные, и лестницы к ним тоже кое-как сколотили. Как дойдет очередь, придется ломать и делать уже капитально. Лес есть, так что к весне должны управиться.

– А что с воротами? Вчера осмотрел мельком – не понравились.

– Полосы и листы ребятки Грата уже выковали – завтра с утра начнут обивать. А с решеткой прям беда – долго еще работать над ней будут, а уж ставить ее и вовсе упрею. Ведь придется разбирать часть стены и перекрытий, а потом сверху опускать. Как затаскивать наверх, даже сами еще не поняли. К тому же по холоду. Думать будем.

– А почему по теплу не сделали? Решетка ведь здесь была готовая – я видел.

– Ага. Была. Да только ортарцы бронзовые кольца, что прутья стягивали, порубили и утащили. И железа часть пропала – или с собой забрали, или утопили всем назло. Отвернись – так они навоз из-под вонючего козла стащат. Крохоборы... На весу починить ее Грат не смог – пришлось до конца разбирать. А потом, когда ему железа со всего Межгорья натаскали, вошел во вкус и начал не пойми что делать. Говорит, что несокрушимая будет. А по мне и старая хороша. Да к тому же проку от нее поменьше, чем от крепких ворот. Но ему если в голову взбредет, то все.

– Арисат, Грату скажи, чтобы перестал ерундой заниматься и не растягивал этого дела. Решетку надо поставить как можно быстрее.

– Гостей ждете незваных? – насторожился бакаец.

– Не забывай, что это за место. Слишком спокойно живем уже не первый месяц. Как бы не пришлось заплатить весельем грустным.

– Это вы верно подметили. Чем дольше гадости не выпадают, тем больше в итоге насыплется за раз. На той неделе ребята наши с юга вернулись. Говорили, что погани следы встречали. У реки, причем на нашем берегу. Далековато, конечно, но все равно нехорошо.

– Знаю. Разведчиков надо еще и на северо-восток послать. Туда, где горы к побережью подходят. Глянуть, что там. В тех краях межгорцев, по слухам, вообще не осталось. Мертвая земля.

– Или прячутся от всех, – предположил Арисат. – Народ тут почти весь вырезали, а кто остался – те запуганы на совесть.

– Да. Может, и так. Что с баллистами?

– Грат говорит, что через неделю-другую две как новенькие будут. С остальными хуже – дереву для них долго еще сохнуть. Камней тесаных много осталось – делать не к спеху. Ими швыряться одно удовольствие. И стрел хватает. Не только для машин, но и для луков. Или ортарцы их не нашли, или некуда брать

было: обоз – не бочка бездонная.

Решив, что силы немного восстановились, я неспешно двинулся в сторону башни. Арисат не обманывал – стена, похоже, к обороне готова. Хотя и видно, что на скорую руку латали повреждения. Навес, защищающий от стрел и непогоды, имеется лишь местами. Скорее всего, найденной в Мальроке черепицы не хватило на сплошной, а сами ее производство пока что не наладили. Ортарцы повредили несколько зубцов, но эти повреждения уже залатали: в глаза бросались светлые пятна свежей кладки.

Вообще, по зрелом размышлении мне укрепления замка понравились не так сильно, как поначалу. Слишком все простенько. Нет, я, конечно, не специалист в вопросах фортификации. Но даже мне понятно: подойди враг под стены – окажется в мертвой зоне. Лишь с вынесенных вперед башен есть варианты постреливать из редких боковых амбразур да сверху, практически вслепую, можно бросать тяжелые предметы на головы нежеланных гостей. С другой стороны, учитывая природные укрепления Мальрока, на такие мелочи можно не обращать внимания. Атаковать с суши получится лишь со стороны перешейка между тупиком Г-образного канала и руслом реки. И там и там вода стиснута обрывистыми скальными берегами минимум трехметровой высоты. Это серьезно затрудняет подвод стенобитных орудий. Сам перешеек защищен исполинской башней со столь крепкими стенами, что ломать их придется очень долго, а подводить туда подкрепления на случай вылазок затруднительно: ровное, хорошо простреливаемое пространство, ограниченное все теми же водными преградами.

Поставить наверх пару обещанных баллист – и можно поплевывать на врагов сверху.

Наверное...

Ну не спец я по обороне древних замков. Так уж получилось – готовили меня поспешно, не успев научить множеству вещей. В том числе фортификации. Посчитали, что электроника важнее.

Остановившись, я указал вниз – на несколько стругов и лодок, стоявших в канале:

– Арисат, почему они не на промысле?

– Так ветер же сильный. Волну поднял нехорошую, а защиты от нее на причалах нет. Вот и остается или в канал, или в реку. В канал, конечно, удобнее – не надо против течения выгрывать. Хорошо, что успели завести в эту теснотищу.

– Плохо. Надо будет что-нибудь придумать. Волнорезы, волноломы...

– Как это?

– Искусственную бухту сделать. Из камней защиту поставить от волн.

– Это ж сколько работы!

– Ничего. Мы сюда не на пару дней пришли. Постепенно сделаем. Как там, кстати, с рудой дела?

Арисат указал вдаль – где-то там, в районе разрушенной водяной мельницы, поднимался столб дыма:

– Вон, коптят что-то.

– Сам вижу, что коптят. Я не о том спрашивал.

– Об этом вам лучше с епископом поговорить – я в его хозяйство не лезу.

– И как же я с ним поговорю, если он опять пропал? Несет заблудшим душам свет веры, в то время как очень нужен здесь. Мать его...

– Верно, ему дай волю – так и будет годами шлаться по холмам проклятым. А с рудой, по слухам, медленно дело идет. Раньше ее вроде как дробили на мельнице, а уж потом в огонь сыпали. Сейчас мелют по старинке – вручную, а это дело небыстрое.

Самому, что ли, съездить? При одной мысли о седле поплохело. Может, плюнуть на гордость и перейти на «тележное передвижение»? Устроить фургон с

парусиновым тентом, закутаться в теплое тряпье? Всадник из меня никакой, так что надо или ждать просветления в этом мраке, или смириться и пользоваться тем, что осталось.

Арисату было скучно стоять молча, и он уточнил:

– А зачем вам столько свинца понадобилось?

– Пригодится, – загадочно ответил я и продолжил движение в сторону башни.

Свинцом Межгорье было очень богато, вот только месторождения располагались далеко от Мальрока. Я, правда, ни на одном из них не побывал (из-за состояния здоровья), но рассказов очевидцев наслушался. Да и образцов немало пересмотрел, в том числе и на тех телегах, которые вернулись из похода за рудой. Галенит[1 - Галенит – свинцовый блеск. Минерал, сульфид свинца (PbS). Основная свинцовая руда. Часто содержит примеси других металлов, обычно добывается вместе со сфалеритом (сульфид цинка) и сульфидами других металлов.] в них лежал такими глыбами, что в теперешнем состоянии мне подобной не поднять.

Сам по себе свинец меня не слишком интересовал. Тем более что я изначально ограничил область его применения. К примеру, разбил женские мечты о кастрюлях из этого чудного металла и обломал епископа, размечтавшегося о водопроводе с отличными трубами. Аборигены не знали о токсичности этого металла, но я об этом не забыл. В нашей истории им злоупотребляли древние римляне, в чем, возможно, кроется одна из причин упадка их империи.

Для чего мне вообще понадобился этот яд? Ну, первым делом – это старт местной металлургии. Хоть с чего-то начнем, а там видно будет. Ведь помимо свинца где-то здесь есть и железо, а еще поговаривали о том, что когда-то на севере добывали медь и серебро, но затем жилы ушли в глубину и уровень местных технологий не позволил туда забраться.

С одной стороны, просто слухи, но с другой – меня слишком хорошо подготовили (в некоторых вопросах), и все эти намеки свидетельствовали о наличии в Межгорье перспективных полиметаллических месторождений. С моими знаниями здесь можно неплохо развернуться. Местные, очевидно, сняли только сливки, поверху, но что делать дальше – не знали.

А я вот знаю. К примеру, в том же галените всегда есть примесь серебра. Иногда до одного-двух процентов, но обычно десятые доли процента. То есть из тонны чистой руды с учетом потерь реально получить от нескольких сот граммов до килограмма и больше. Учитывая, что этот благородный металл ценится здесь немногим дешевле золота, – соблазнительно.

Аборигены даже не подозревают, что в обычном свинце присутствует такая приятная добавка. А если бы и знали, то попробуй еще выделить. В принципе даже египтяне до этого каким-то образом догадались – использовали купеляцию[2 - Купеляция (купелирование) – (от фр. *coupelle* – разделительная печь; буквально – чашечка) – окислительное плавление сплавов благородных металлов с целью выделения их в чистом виде.]. Так что даже со здешним уровнем технологий я смогу наладить процесс.

Для чего мне серебро? Для налаживания товарно-денежных отношений. Я ведь не в коммунизм попал – если нас здесь не вырежут в ближайшее время, то неизбежно возникнет проблема заинтересованности работников в своем труде. Бесконечно пахать на «дядечку» под предлогом внешней угрозы не получится. А еще надо планировать закупки во внешнем мире и финансирование переселения новых подданных.

Новых? Конечно, я ведь собираюсь расширяться. После совместных действий нечисти и ортарской армии плотность населения в Межгорье упала до арктической. На сегодня здесь приблизительно две-три тысячи человек, из которых лишь около пятидесяти процентов можно считать полноправными подданными. Нет, остальные вовсе не бунтовщики. Просто они испуганы и наотрез отказываются выбираться из лесов и пещер. Пусть там голодно и холодно, но зато безопаснее. Они не пахут землю, не пасут скот – полностью бесполезны. Принудить их я не могу – все равно сбегут назад и начнут прятаться еще серьезнее, теперь уже от меня. Раз уж такие дела, приходится закрывать глаза на тех, кто хотя бы номинально признает мою власть.

Крестьяне плодятся быстро, но и детская смертность здесь серьезная – естественным путем Межгорье вернется к былой плотности населения очень нескоро. А я не могу ждать: природа не терпит пустоты, и ничейная земля в Пограничье очень быстро оказывается занятой. Причем не людьми.

Потому и подумываю о переселенческой программе. А чем сюда народ завлекать? Вот тут-то серебро и пригодится – лучшего способа обогащения пока что не нашел. Все остальные требуют внедрения сложных по местным меркам технологий, а значит, времени, с которым у меня напряг.

Кстати, свободных людей в этом мире не так уж много. Кто к земле прикреплен, кто крестьянин баронский или королевский, кто пожизненно в гильдии, кто-то и вовсе раб бесправный. Остается надеяться на недовольных жизнью – такие есть всегда. И процент швали среди них немаленький. Тоже проблема...

Но даже шваль надо еще как-то затащить. Я бы на месте простого обывателя хорошенько подумал, прежде чем перебираться из спокойного города в веселое Межгорье. Хоть золотом дорогу усыпь – все равно бы хорошо подумал.

Мысли пролетали в голове быстро: вот я получаю первый пуд серебра; вот встречаю первый караван переселенцев – сотни телег, тысячные стада скота; вот инспектирую тянущиеся по всей долине пшеничные поля и наворачиваю блины со сметаной в попавшейся на пути восстановленной корчме. И в конце концов, стою во главе тысячного войска на берегу реки. Лениво наблюдаю за тем, как по броду мчится лавина сюрреалистических тварей.

В какой-то момент бездеятельное созерцание надоедает. Я неспешно поднимаю руку, а затем резко опускаю. Мушкетно-пушечный залп. Вой пуль и картечи, разрывы бомб. Десятки тонн мясного фарша уходят вниз по течению. Выжившие монстры поспешно разворачиваются, мчатся назад с целью удрать как можно дальше и больше сюда не возвращаться. Но я сегодня беспощаден: вслед беглецам бьют лучшие стрелки, вооруженные нарезными штуцерами. А потом небо переполняется воем пороховых двигателей, и сотни ракет превращают противоположный берег в филиал ада. Чудом уцелевшие твари, обгадившись от пяток до ушей, сходят с ума и совершают акт коллективного суицида головами о ближайшую стену – лишь бы не знать, что у меня там дальше по программе.

А дальше...

Дальше у меня много чего, но это пока что в перспективе. Далекой. Когда-нибудь так и будет. Если доживу. А пока что начинаю с малого: тащу сюда свинец, посылаю людей искать руды, глину, чистый песок. Закладываю ямы, из которых потом буду добывать селитру. Планирую параллельно с выплавкой

свинца начать выделять серу из того же галенита – на порох и кислоту. Рисую чертежи машин для водяных мельниц и потихоньку заказываю нашим и без того загруженным мастерам разнообразные детали. Пока что по мелочи, но это только начало.

Хорошо бы найти китайские пулеметы и потом научиться их копировать. Само собой, патроны тоже надо выпускать самостоятельно. С пулеметами я стану...

Мечтаю быстро (просто спец), но все равно не мгновенно. Пришлось прерваться – дошли до башни. Попасть в нее со стены не получилось – окованная дверь закрыта изнутри.

Арисат, стукнув по ней кулаком, довольно констатировал:

– Крепко сколочено. Если чужой заберется наверх, то внутрь никак не попадет. Мои ребята никому не откроют.

После этих слов громыхнул засов, дверь медленно отворилась, из недр башни высунулась бородатая морда каменщика-иридианина. Завидев нас, он радостно заулыбался:

– Вот здесь кто! А я-то удивился – кому это стучать вздумалось? День добрый, сэр страж, и вам тоже, Арисат!

– Говоришь, никому не откроют? – язвительно уточнил я у бакайца.

Тот, многообещающе-зловеще покосившись на каменщика, с досадой выдал:

– Это же иридиане! Как их ни учи, все равно телятами остаются!

Я хотел заглянуть в башню, но был отвлечен новым зрелищем – из коридора перешейка показалась группа всадников. В переднем узнал Конфидуса. Арисат тоже его заметил:

– Во! Епископ вернулся! Может, что интересное привез?

– Сейчас узнаем. Поговорить мне с ним надо, заодно и расскажет.

* * *

Разговор с епископом закончился неожиданно, а поначалу вообще не ладился.

Съездил он по большому счету неудачно. В последнее время, пользуясь тем, что руководства над ним практически не стало, он почему-то решил, что Бог возложил на него сразу две важные миссии.

Первая: хотя местное население невелико, но тоже нуждается в свете веры, причем не какой-нибудь, а непременно иридианской. Плевать, что в Ортаре (и не только там) она считается еретической, – Корфидус ведь не сомневался, что его учение единственно верное. Инквизиторов, способных ему прямо сказать (и не только сказать), что он неправ, в Межгорье не было. Если вдруг появятся, то вряд ли с ними разговоры начнут вести – здесь никто не заинтересован в их присутствии, а учитывая легкость, с которой бакайцы хватались за оружие... Нет, черной братии в моем потенциальном графстве пряников не предусмотрено.

Вторая миссия тоже непростая: скверна, целый год пропитывавшая и без того не святую землю Межгорья, должна быть выжжена с корнями. К сожалению, сэр страж надорвался при исполнении очередного самоубийственного подвига и пока что в этом важном деле не помощник. Вот и приходится епископу самостоятельно проверять все слухи о деятельности темных сил. Но это так – мелкий приработок. Самое главное – Конфидус свихнулся на ведьмах и колдунах. Они ему мерещились везде, даже на меня иной раз косо поглядывал. Пару раз пытался завести разговор на тему: «А что это вы такое мне рассказывали там, в катакомбах под столицей Ортара, когда мы в дерьме по уши из каталажки драпали?» Оба раза я ему отвечал резко, с долей иронии – мол, никак не могу понять, почему такие вот неглупые люди погрузают в религиозном мракобесии. Ведь умеет же мыслить здраво, и даже не стопроцентный догматик. Однако иногда на него что-то находит, и тогда уже до рассудка не достучишься.

Раньше мне дико было: наемник, на котором пробы негде ставить, – и вдруг в религию ударился. Как так?! Но теперь не удивляюсь. Из одной крайности на другую переключился.

Жаль... Очень жаль... Я ведь назначил его своей правой рукой, потому что не сталкивался с такими неприятными чертами характера. А теперь, столкнувшись, начал думать: а стоило оно того? Похоже, у него на первом месте стоит не вопрос нашего выживания и дальнейшего процветания, а еретически-махровая бредятина. Как исправить? Не знаю...

А кого вместо него? Да некого – кадровый голод. Хороших и неглупых вояк хватает, хозяйственники тоже есть, а вот управленца, способного эффективно справляться с вопросами, касающимися всех аспектов как мира, так и войны, не имеется. Альтернативы епископу нет.

Пока в голове проносились все эти вопросы, Конфидус рассказывал о поездке, перемежая слова доклада нудными религиозными отступлениями и даже отдельными здравыми мыслями, созревшими у него во время поездки.

– ...До центрального побережья оттуда всего ничего оставалось, но я поостерегся к нему идти. Воинов мало, а места опасные. Местные, которых нашли в пещере, говорили, что галеры там шастают. И не только мимо ходят: пристают часто. Водой запастись или вынюхать, как там и что.

– Демы?

– А кто кроме них там шастать рискнет? Дальше на юг и запад людей нет. Затея короля с экспедицией не удалась, так что некому и незачем туда ходить. Кроме этих богоотступников... Вот не сидится им на юге – мерзкую темную ересь разносить надо, как заразу моровую, потому и лезут к нам. Воины у них хорошие, оружие и доспехи – нашим не чета: втрое больше понадобится воинов, чтобы к берегу рискнуть выходить в открытую. Хотя они же без лошадей – уйти всегда можно, если поклажей не обременяться. Чем больше на человеке железа, тем медленнее он бежит. Но я решил не рисковать – не за тем шли. Если уж разведывать, так малыми дозорами, чтобы незаметно. Не в том мы положении, чтобы с открытым забралом показываться. Вы насчет пещер спрашивали...

– Нашли?

– Да. Не вдали местные. Много их там. Земля будто сыр – повсюду дырявая. Как вы и просили, мы в парочку заглянули. Из тех, что не узкие и не слишком опасные. В одной повезло: капище демонов нашли. Похоже, недавно там его

обустроили. Источник рядом хороший – чистый и сильный. Видать, заходя за водой, одновременно и службы богомерзкие справляют. Но мы там все сожгли, что горит, и порушили остальное. То-то им будет новость, когда опять сунутся. Земля эта под истинным Богом останется, что бы ни случилось. Для того нас сюда и послали. Так что пусть не думают, что...

– А вторая пещера? Что там? – перебил невежливо, пресекая в зародыше намечающуюся порцию «опиума для народа».

– Во второй демы не бывали. Или побывали, но им не понравилось. Много там мышей летучих, как местные вам тогда и рассказывали. Все загадили. Дерьма столько, что за век не вычистить. Даже демам свинским не по нраву такая грязь.

Эта новость мне очень понравилась. То, что надо: именно на такой зловонный подарок я и рассчитывал, когда первый раз выслушал рассказ охотников о пещерах возле побережья и живности, в них обитающей. Раз даже заикнувшийся на возвышенных материях епископ не поленился упомянуть о колоссальных залежах отходов мышинной жизнедеятельности, значит, их там действительно много. Наверное... Если верить моим инструкторам, в условиях пещерного микроклимата в экскрементах рукокрылых могут протекать полезные для меня процессы. А именно: выделяются и накапливаются нитраты. То есть селитра. Основной компонент черного пороха, сырье для производства азотной кислоты и разнообразных взрывчатых веществ.

Накопление идет медленно и не без проблем. Но, учитывая, что селитра в этом мире даром никому не нужна, можно твердо рассчитывать на нетронутость залежей. А я это дело исправлю. Начну с простейших бомб для баллист и ручных гранат, а дальше... Дальше видно будет.

– В пещере этой народ скрывался. Пара семей. Точнее, их остатки. Уже одичать немного успели, бедолаги. Видели бы вы их детей – звереныши. Наверху там грот почти чистый, вот в нем они и сидели. Похлебку из поганых мышей варили в котелке глиняном, тем и жили. Трудно с ними пришлось, но поговорить все же удалось. Про демов рассказали. Говорили, что галеры ходят под берегом, ничего не боясь. И высаживаются часто. Потому к морю ходить на промысел опасно. А как тогда быть, если раньше морем жили? Вот и дошли до того, что нетопырей едят. Тьфу! Нечисть же! Где тьма поганая, там и они!

Догадываясь, что дальше последует рассказ, в котором епископ поведаёт, как с помощью слова божьего пытался изменить гастрономические привычки несчастных, я поспешно уточнил:

– Демы просто мимо ходят? Лагереи или поселений не ставят?

– А кто его знает – эти кроты, кроме пещеры своей, толком ничего не видели. Думаю, раз капище есть, то и другое непотребство имеется. Им здесь вольготно и удобно. Проливы неподалеку. Поймал купца, ограбил, затем – сюда на отдых, и галеру опять же починить надо иногда. Не придется на юг уходить, а помешать никто теперь не сможет: вымерло Межгорье. Хорошо бы рейд устроить отрядом большим, да только сил у нас для таких дел маловато. Эх... такую землю сгубили... Раньше тут... Да что говорить – старик в пещере рассказывал, что помнит самого сэра стража Буониса.

Мне это ни о чем не говорило, но заинтересовало (все, что касается стражей, дико интересно). Поэтому спросил прямо, не опасаясь, что епископ удивится такому невежеству, – с ним всегда можно сослаться на перенесенную амнезию:

– Буонис? Страж? Не помню такого...

– Эх... крепко же вас приложило, раз такое позабыли. Великий человек был. А по легенде и сейчас где-то есть, только от мира удалился и не показывается. Хотя не верю в такое – даже стражи столько не живут. Век назад именно он остановил погань на реке. Граница – его рук дело, и линию морской обороны тоже он держал. Пока Буониса не было, битву за битвой люди проигрывали. В Ортаре уже было молитвы отходные начали по стране заказывать, и тут – первая победа. Затем вторая. А следом и вовсе остановили и отбросили к воде. Причем силами малыми. Сэр Буонис и тогда уже дряхлым был, а к концу войны и вовсе в развалину превратился. Так говорят. Кенгуд ему место почетное при дворе назначил, да только не захотел он в Ортаре оставаться. Уехал к морю, в Межгорье. Местные на радостях дом ему там поставили. А он хоть и одряхлел, но еще не раз показывал демам, как из одного человека два делаются, а то и четыре. Ну и погань отвадил. Сами видите – граница тут, по сути, без охраны, но почти не шалют твари. Запуганы чем-то крепко.

– Говоришь, старик этот стража помнит?

– Если не врет, то да. По виду не врет – очень дряхлый. Мог и застать. Странно, что зиму пережил. Тут молодым трудно, а уж таким... Говорит, что его отец прислуживал сэру стражу в молодости.

В следующий миг я очень сильно удивил собеседника:

– Люди ваши устали, но выделите двух, из тех, кто покрепче. Завтра они покажут дорогу к той пещере, где межгорцы прячутся. Мне надо самому на них взглянуть.

– Вы хотите съездить к побережью? – изумился епископ.

– Не хочу, но придется.

– Дан! Вы что?! Дорога трудная, и на телеге лишь половину пути пройти можно. А дальше верхом. По такой погоде и здоровому нелегко, а уж вам...

– Я понимаю. Но придется ехать.

– Но зачем?

– У меня там дела. Важные.

– Какие?

– Я – страж. У меня хватает секретов. И дел.

– Да какие могут быть дела в вашем состоянии! Если уж очень надо, так весны дождитесь. Глядишь, и лучше станет!

Вот что сказать? Я ведь чувствую, что лучше мне не станет. Хуже. Только хуже. Каждый день я теряю очередную частичку жизни. Во мне запущен какой-то непонятный деструктивный процесс. Рано или поздно он меня неизбежно доконает. Но даже если это будет поздно, уверен – весной я уже не смогу и минуты в седле провести. Нельзя терять времени. Если ехать, то сейчас.

Зачем? Не знаю... Я вообще мало что знаю. В том числе и про стражей. Но где-то на побережье доживает свой век старик, который про стражей знает больше меня. Слуга – это серьезно. Человек, который видел своего господина в подштанниках. Причем Буонис к тому моменту был дряхл. Вот как я сейчас. Но при этом выписывал люлей и демам, и нечисти. Причем так щедро, что и те и другие дорогу в Межгорье позабыли.

Это меня очень заинтересовало...

Может, старик помнит, какими способами страж поддерживал себя в рабочем состоянии? Наверняка Буонис не был самозванцем вроде меня и знал, что надо делать в столь плачевных случаях. Раз не удастся встретиться с ним, то надо хотя бы со слугой пообщаться. И чем быстрее, тем лучше. Весной слишком поздно.

Глава 3

Маразм крепчает

По непроверенным слухам, некоторые европейцы и американцы до сих пор свято верят, что если в России неосторожно выглянуть за дверь, то можно стать частью суточного рациона бурого медведя. Косолапый – это, дескать, русский аналог вездесущих крыс и воробьев. Чувствует себя как дома везде, в том числе и в мегаполисах, а плодится со скоростью китайцев. Отличается нехорошими повадками, а именно – любит кушать людей, подкарауливая их везде, где можно и нельзя: на заднем дворе магазина, торгующего балалайками и матрешками; за углом тюрьмы для политических заключенных; в зарослях голубых елей возле мавзолея Ленина.

И еще про водку не забывают вспоминать. Вот это совсем уж лицемерно: считать, что «пьяный» и «русский» – слова-синонимы. Я однажды был в Лондоне и случайно забрел в район, куда не возят моих соотечественников-туристов. Боятся, видимо, что дикие азиатские алкоголики умрут от зависти, увидев европейских коллег. Было чему «завидовать» – народ там валялся на улицах в количествах, не поддающихся исчислению. Передвигаться приходилось как по минному полю: один неосторожный шаг – и подошва в блевотине или отходах

жизнедеятельности двуногих млекопитающих.

И ведь не бомжи-бродяги в глухих переулках: респектабельно одетые граждане и гражданки на фоне сияющих витрин упивались до выпадения в осадок на тротуары, вымощенные дорогим камнем. Задушевности не заметил даже на уровне «ты меня уважаешь?». Монотонно хлебают что-нибудь предельно дешевенькое. Практически не закусывая. Будто стадо свиней, запущенное в осеннюю дубраву.

На родине я если и встречал подобное, то лишь в упоминаниях о событиях времен Степана Разина или в случаях индивидуального одичания. Возможно, плохо искал и где-то такие массовые явления имеют место быть, но сильно сомневаюсь, что их можно наблюдать в приличных районах.

Таксист мне потом поведал об историческом событии – великой лондонской пьянке. Некие тщеславные пивовары соорудили рекордной величины чан. Но что-то не рассчитали, и он развалился. Выплеснувшееся содержимое разрушило соседние емкости, и на прилегающую территорию хлынуло пенное цунами. Несколько зданий и сооружений было сметено волной, при этом не обошлось без человеческих жертв. Стихия бушевала недолго, но – увы, это было лишь началом.

Со всего города в район бедствия набежал народ. И вовсе не для того, чтобы спасти пострадавших: люди пришли за халявой. Хлебали из болота, которое образовалось после разлива. Смесь всех сортов пива, в том числе недобродившего и бракованного, с грязью, мусором, блевотиной, растекшимся содержимым переполненных уборных и сточных канав. Ссорясь за лучшие места, захлебываясь в алкогольных омуты, расталкивая тела утонувших, размахивая кулаками и горланя развеселые песни. Этих страждущих граждан цивилизованной страны набежало столько, что их скопления затруднили работу спасателей.

Но на этом праздник не закончился. Пострадавших (а их количество увеличивалось с каждой минутой) начали развозить по больницам. Тамошние пациенты, почуяв притягательные ароматы, начали требовать аналогичного к себе отношения. Все как один почему-то решили, что кого-то здесь угощают пивом, а им почему-то ничего не достается. Видимо, от нестерпимой жажды возмущившиеся люди стремительно растеряли душевное равновесие и выразили свой протест посредством погромов. Несмотря на то что здоровых среди них,

скорее всего, не было, бунт больных привел к жертвам и разрушениям. Из-за него пострадало больше людей и имущества, чем собственно из-за самой катастрофы.

Таксист, рассказывая об этом, ничуть не скорбел. Если в голосе его и отмечалась печаль, то лишь по поводу того, что ему не довелось поучаствовать в столь эпическом культурном мероприятии.

Что-то я начал с медведей, а закончил особенностями национального алкоголизма... К чему все это вспомнил? Мне кажется, что европейцы населили Россию явлениями, о которых сами еще не забыли (а некоторые и забывать не надо – пить они и сейчас профи). Попросту не могут это выбросить из народной памяти, но упорно отказываются считать, что все это не чужое – что водятся и за ними грешки. Ну никак не может цивилизованный человек иметь такие корни, причем не затерявшиеся в глубине веков. Лучше уж приписать весь негатив восточным варварам, отомстив хотя бы за то, что те, благодаря склонности к банным процедурам, ввели в обиход унижительный термин «немытая Европа». Чистая правда, но правда неприглядная. Такого не любят вспоминать. Прославлять надо великое и светлое, а не... Пусть народ помнит подвиги Нельсона и его романтические шашни с леди Гамильтон, а не то, как матросы вылакали ром, в котором хранилось тело павшего адмирала.

Эпидемии, войны, геноцид, перегибание палок во внутренней политике. В истории Европы не раз и не два случались периоды, когда отдельные регионы вымирали, а в остальных жизнь едва-едва теплилась. По улицам опустевших городов и деревень бродили волчьи стаи, медведи устраивали берлоги в садах, отупевшие от голода крестьянки относили беспомощных детей в лес, а пережитки людоедства давали о себе знать до начала промышленной революции. Черда апокалипсисов оставила след на геномном уровне. Источники страха остались в прошлом, но память о них сохранилась. Невозможно поверить, что кошмар больше не вернется. Лучше считать, что где-то все это, пусть и не в прежних масштабах, но есть. В Бирме, России или тропических джунглях.

Интересно – в этом мире будет так же? То, что я видел в Межгорье, напоминало о самых мрачных страницах земной истории. Территория, на которой сохранились считанные проценты от прежнего населения. Вымерший край – от людей остались лишь дома и начавшие зарастать сорняками поля.

И еще здесь встречались серые тени, следившие за нашим отрядом с безопасной дистанции. Иногда это были запуганные до животного состояния люди, но чаще – волки или одичавшие собаки.

Летом, когда мы только сюда перебрались, живности было мало. Даже Люк – охотник от Бога – иногда мог полдня провести на холмах и возвратиться с пустыми руками. Удачным днем считался такой, когда удавалось взять полдюжины голубей, фазана или пару-тройку рябчиков. Но природа не терпит пустоты – животные, распуганные тьмой и армией, начали возвращаться. И, похоже, местные среди них были в меньшинстве. Альра уже не раз жаловалась, что столько волков она за всю жизнь не встречала.

Откуда хищники узнали, что место освободилось? У них свой телеграф есть? Или это просто закон природы?

Волк сам по себе не такой уж живодер. При желании может прожить на птичках, мышках, зайчиках и прочей мелочи. Даже лягушкой не побрезгует, а в голодные дни ему и майские жуки за деликатес. Но наибольший интерес у него вызывает наличие в ареале обитания копытных животных. Хватит и обычных косуль, но лучше подайте ему оленей или даже сохатых. Вот тогда начинается настоящая потеха – стайная охота. Стая – это серьезно: толпа серых может обнаглеть до состояния полной отморозенности. И тогда они не то что человека слопать готовы – медведей из берлог поднимают. Миша зверь серьезный, но при таких раскладах даже ему ловить нечего – порвут и схарчат без малейшего уважения.

Но это, конечно, крайние случаи. Для развеселой жизни волку не медведи и суслики нужны – подавай благородную дичь. Раз серые приходят в Межгорье, значит, она здесь есть, просто из-за природной осторожности и неприспособленности к новым местам старается вести себя тихо и не попадаться на глаза. А вот следов хватает. Оттиски разнокалиберных копыт и лап. Тут и сохатые поработали, и олени, и косули. Свинки бегают туда-сюда, в том числе и приличные. Зайцев и летом хватало, как и хитрых лисиц, а вот кошачьих лап не отмечалось.

Тигры? Рыси? Понятия не имею. Можно спросить, но не хочется рот раскрывать. Устал. Сажу в фургоне, под парусиновым тентом, закутанный в теплую одежду, но все равно дорога утомляет. Рессор нет, трясет неимоверно, сырость до костей пронизывает. Каково тем, кто верхом меня сопровождает? Хотя они-то здоровые, а не такие задохлики, как я.

Нет, пусть трудно, но ни о чем не жалею. Какая у меня альтернатива? Трястись от пронизывающих сквозняков в замке, выслушивая очередного шарлатана и замечая все новые и новые признаки телесного разрушения. Впервые поднявшись после комы, я смог сытно поесть, посетить баню, съездить на холм. Теперь мне и за три дня не управиться с таким «объемом работ». Процесс не останавливается – нехороший процесс. Надо что-то делать, но что? Может, я и сглупил, понадеявшись на одичавшего маразматика, который почти все позабыл (а скорее всего, и не помнил – с моим-то везением...). Но это шанс. Мизерный, но шанс. И я его не упущу.

Хуже всего, что послать к старику некого. А везти его ко мне опасно. Если верить епископу, тамошняя семейка запугана до такой степени, что боится нос из пещеры высунуть. Со временем, может, и улягутся страсти, но сейчас трогать аборигенов опасно. Дед может помереть от страха по дороге. И с чем я тогда останусь? С шарлатанами и рогами несуществующих волшебных зверей? Нет уж! И так иногда жалею, что не склеил ласты сразу, в том давнем бою у брода. Мог ведь остаться в памяти народной молодым и красивым, а не...

Поежившись от очередного порыва сырого ветра, я было собрался задернуть полог, из-за которого выглядывал на дорогу, но слышал шум разговора. Рослый латник указывал рукой в сторону холма слева от дороги, а молодой, но удалой Мирул, в этом походе назначенный на роль заместителя командира (то есть меня), поглядывал туда же.

Честно говоря, Мирулу в начальство выбиваться пока рановато. Нет у него авторитета, чтобы держать под ногтем два десятка неслабых вояк. Мал еще, хоть и небесталанен. В старшие выбился лишь благодаря отцу, героически погибшему при эвакуации со ставшего непригодным для жизни Бакая. Сержант Дирбз чуть колени не стер, умоляя взять его с собой, но я был непреклонен в своем решении. Дескать, поездка недолгая и проблем не предвидится, а вот в замке дел невпроворот и опытного латника отлучать от них даже на день нельзя.

На самом деле я врал. Дирбз, конечно, в роли командира смотрелся бы на сто порядков уместнее. Опыт, возраст, ум, уважение – все присутствует. Единственное – межгорцы его недолюбливают. Даже те, кто не знает о нем ничего, каким-то образом чуют герцогского служаку, а к ортарцам здесь отношение однозначно аллергическое, и перебороть это в ближайшее время не

получится.

Но я оставил его не из-за этого. Кто знает, что со мной дальше будет? Дорога в такую пору и здорового доконать может, а уж такого, как я, перемелет мясорубкой. Достаточно впасть в забытие – и он тут же плюнет на приказ и развернется обратно. А мне этого не надо. Мне надо, чтобы меня довезли до пещеры в любом состоянии. Пусть даже мертвым – и на такое уже согласен. Я должен хотя бы попытаться что-нибудь сделать, а не оставаться медленно догнивать в замке.

Хесков не взял по той же причине. Не сказать что они меня сильно любят, но могут счесть, что ситуация смертельно опасна, а раз так, то сэра стража надо беречь от самого себя. Они ведь спят и видят, как бы меня спасти. Не место им здесь.

И Рыжую не взял. Как ни строила глазки, но не взял. Человек она эмоциональный и непредсказуемый в силу характера и половых особенностей. Зато на умы рядовых солдат влиять мастерица. Может так им мозги прополоскать, что потащат меня латники назад, искренне считая, что делают это по своей воле.

А вот Мирул нарушать четко отданного приказа не станет, а хитрить вообще не умеет. Исполнительный. Боится шаг лишний сделать без начальственного дозволения. Он даже разложившийся труп довезет до места. Если понадобится – забальзамирует. В этом вопросе на него можно твердо положиться.

– Мирул! Что там такое?!

– Да волки оленя задрали! Прямо возле дороги! Вконец обнаглели!

Голос дрожит от праведного негодования. Ну как же... Олень... Благородное животное. Убивать их лишь аристократам позволено. Крестьянину за браконьерство светит такое наказание, что не каждый маньяк решится приговор исполнять. А вот серым плевать на сословные привилегии – взяли и задрали.

Олень – это хорошо. Где один есть, там и другие найдутся. Животные возвращаются в Межгорье. А людей как не было, так и нет...

* * *

Заночевали мы в брошенной деревне, встреченной на очередном перекрестке. Торопились успеть, так что добрались до нее уже в сумерках. Знали, куда идем: епископ детально описал дорогу, к тому же пара провожатых опытных с нами, да и головной дозор ее издали заметил.

Несмотря на заброшенность, жилье оказалось в приличном состоянии. Несколько изб, правда, сгорело, но в остальные можно смело заселяться. Смети расплотившуюся паутину – и живи на здоровье. Жить, правда, некому. Если и уцелел кто, то возвращаться сюда не спешит. А может, и вовсе в Мальрок перебрался, надеясь, что там будет поспокойнее. Многие так поступили после того, как я покончил с Альриком.

Жаль, не все – людей мне не хватает.

Мирул свое дело знал и не успокоился, покуда воины не обыскали каждый дом и сарай. Лишь затем занялся вопросами караульной службы, а я наконец смог выбраться из фургона и направиться в облюбованную избу. Самая лучшая в деревне – здесь всегда наши старшие останавливаются.

Честно признаться, до лавки добрался с трудом. Ни согнуться, ни разогнуться, а ведь завтра придется верхом ехать. Тук, как назло, умчался с ведром к ручью – колодец год не чистили, так что пользоваться им чревато. Пришлось раздеваться самостоятельно. Благо с сапогами возиться не надо – пол земляной.

Когда-то за этим большим столом обедала немалая семья. Сколоченный из тесанных вручную дощечек, без железных гвоздей или иных металлических деталей, массивный – такой век простоит. И потемневший – будто от горя. День за днем ждущий, когда же изба оживится от гомона детворы и воспитательных окликов родителей. Но вместо этого встречающий лишь епископа с повадками инквизитора, разведчиков Дирбза, а теперь еще и рассыпающегося на ходу инвалида, не постеснявшегося нагромоздить гору сырой одежды.

Потерпи, стол. Сейчас придет Тук, растопит печь, развесит тряпье сушиться. А завтра мы поедем дальше, и в конце пути нам вряд ли удастся переночевать с таким комфортом. Если доживу до этого конца – фургон ведь придется оставить здесь. Дальше только верхом...

* * *

Удивительно, но я дожил. Почему удивляюсь? Да потому что уже за первые пять минут десять раз пожалел, что ввязался в эту авантюру. Лучше бы изобрел заново телефон, провел к пещере линию и поговорил со старым аборигеном без этого садизма. В хорошей форме седло для меня ничем не хуже мягкого кресла, но сейчас все иначе. Ветер, дождь, переходящий в мокрый снег, отсыревшие ветки в лицо. Позвоночник в сидячем положении и свою-то тяжесть с трудом держит, а теперь, нагруженный отяжелевшей одеждой и беспомощным мясом, начал болеть сразу в сорока местах. Копчик и вовсе будто докрасна раскалился – ощущения точь-в-точь.

Я пару раз едва не сверзился в грязь, но затем кое-как приспособился. Ухватился за луку седла, примотал к ней поводьями левую руку, откинулся назад. Копчик начало жечь еще сильнее, но другие варианты были гораздо хуже. Управлять лошастью приходилось с помощью ног, благо мои чудесным образом приобретенные навыки джигитовки это позволяли. Но навалилась другая напасть – заныли колени, а вскоре бедра и голени одеревенели, я почти перестал их ощущать.

В общем, очень быстро вспомнил все то, что пережил в подвальчике инквизиторов. Там, правда, все попроще было и не так жестоко, но ощущения схожие.

Через пятнадцать минут я был уверен, что не протяну и часа. Просто вырублюсь от избытка негативных ощущений и усталости. Это лишь кажется, что, сидя на лошади, сил не теряешь. Еще как теряешь, особенно в таком состоянии. Не говоря уже о погоде – ветер такой, что у латников вот-вот шлемы с голов срывать начнет.

Но я протянул дольше. Гораздо дольше. Ехал на автопилоте, тупо уставившись в спину бакайского дружинника. Изучив его грязный плащ до мельчайшего пятнышка. Скрипя зубами на подъемах и обливаясь слезами на спусках. Впиваясь ногтями в ладони при первых признаках темноты подступающего обморока и ловя мокрые снежинки растрескавшимися губами.

Мне просто надо доехать до конца, а остальное придется перетерпеть...

Я смог это. Я добрался до проклятой пещеры. Я свалился с седла лишь после того, как Тук перехватил поводья.

Я просто развалина...

* * *

Обычно когда я прихожу в себя, первое, что об этом сигнализирует, – зрение. Открываю глаза – вижу окружающий мир, понимаю, что выкарабкался в очередной раз. Иногда, впрочем, поднять век не успеваю – слух доносит слова или иной шум, что свидетельствует о том же самом.

На этот раз сработал нос. Глаза закрыты, тишина полная, а вот нос нечто почувствовал. Вонь. Не сказать чтобы нестерпимая, но достаточно неприятная. И непонятная – не могу идентифицировать источник столь дивного благоухания. Будто угодил на склад загнившего сыра, под крышей которого сушится сотня портянок, которых год из солдатских кирзачей не доставали. Но готов на что угодно поспорить – вряд ли я сейчас нахожусь в подобном месте.

Похоже, мне не приснилось, что добрался до пещеры. Наверное, те самые залежи мышиных отходов работают. Великие боги, я-то всегда думал, что в подземельях гораздо чище и пристойнее! Неужели мелкие нетопыри могут столько нагадить?

Открыв глаза, почти сразу понял, что летучие мыши здесь ни при чем. Это вообще не пещера. Это какой-то подвал, облюбованный бомжами. С гигиеной у них дела швах, постираться тоже проблема, вот и накопились нерешенные вопросы. Под подозрительно ровным потолком на кривых жердочках сушились грязные тряпки, облезлые шкуры и пучки какой-то чахлой травы. Колышки, вбитые в трещины покрытых многими слоями натеков стен, были увешаны аналогичным благоухающим добром. На краю поля зрения можно было различить чадающий голубоватый огонек. Принюхавшись, я различил в вонючем букете следы чего-то нефтяного и заподозрил, что источником этого аромата является светильник.

Потемнело, надо мной склонилась кривая массивная фигура, участливо поинтересовалась:

– Ужинать будете или отдыхать хотите?

– Ужин... Вечер уже?

– Да уж не вечер, а ночь. Ох и устали вы. Я же говорил, что зря поехали. Подождали бы до весны, и...

– Где Зеленый?

– В клетке сидит возле входа. Внутри пытался его занести – так крик поднял: вонь ему не нравится. Вот и сидит всем недовольный... клюв морозит.

– Тук, это пещера?

– Ну да. Пещера. Та самая, в которой местные прячутся.

– А почему потолок ровный?

– А кто ж его знает... Древнее место. В таких всякое бывает. Погань в некоторых любит обосновываться. Доводилось мне ровные потолки видеть. И стены тоже.

– Древнее... А кто строил такие пещеры?

– Да разное говорят. Кто язычников вспоминает, кто и вовсе древность немыслимую. Вам бы со стариками пообщаться или просто с ватагами, которые кирт разыскивают по нехорошим местам. Я-то мало что знаю. Неинтересно мне оно.

В это поверил охотно – все, что не имеет отношения к женщинам и выпивке, горбуна заботит мало. Но в чем-то он лукавил – простодушный Тук не умел обманывать, и лицо выдавало все эмоции. Ему, похоже, здесь не по себе. Да и мне тоже – вспомнил убежище погани, в котором едва не погиб. Видимо, что-то недоговаривает, или на генном уровне въелся страх перед подобными объектами.

Раз межгорцы решили здесь обосноваться, значит, то, что творилось снаружи, пугало их гораздо сильнее.

Будь я в нормальном состоянии, начал бы исследовать стены и потолок, выдавливать из горбуна информацию капля за каплей, но сейчас не до этого. Я прибыл сюда не для археологических изысканий.

– Тук, где старик?

– Вы о ком?

– А ты сам попробуй ответить.

– Ах! Вы об этом! Дальше он. В главной норе. Со всеми остальными. Мы вас не стали туда нести – воняет сильно.

– Здесь тоже запах тот еще...

– Э-э-э нет! Вы там не были и не знаете, каково. Там мухи давно передохли. Я как заглянул, так сразу дышать перестал, а потом долго слезами умывался. Духан такой – хоть рыбу копти.

Слова Тука мне не понравились. Мысль о том, что в обитаемом помещении воздух гораздо хуже, чем в этой клоаке, не вдохновляла.

– Этот старик ходить может?

– А кто его знает. Лежит, поглядывает в потолок. Не видел я, чтобы он поднимался.

– Ну так сходи и подними. Приведи сюда. Мне с ним поговорить надо.

– Время позднее. Может, лучше утром?

Справедливо заметил... Будить старика как-то нехорошо. С другой стороны, вдруг он не спит?

– Тук, проверь. Если он дрыхнет, то не трогай. А если нет, тогда тащи.

– Да по нему не поймешь. Глаза открыты, но вроде как и не в сознании. У стариков бывает, если сильно дряхлые. А этот рассыпается совсем. Того и гляди окочурится. Ставлю золотой против дырявого медяка, что до весны не дотянет.

– Вот видишь! А ты мне доказывал, что надо по весне сюда ехать. Весной было бы поздно.

– Ваша правда. Да только и сейчас поздновато. Старик этот, похоже, совсем из ума выжил.

– Приведи его, и проверим.

* * *

Заслышав шум в невысоком узком лазе и заметив там отблески света, я, еще не видя Тука, догадался, что он возвращается не один. По запаху. Кто бы ни был его спутник, воняло от него тошнотворно. Легкий, едва ощущающийся сквозняк, пронизывающий древний бункер, выдал это издали.

Я не ошибся. Горбун, выбравшись из лаза, вытащил за собой весьма колоритного старика. Такой будет иметь успех в фильмах, где присутствуют сцены с восстанием из склепов древних покойников. Покрой бинтами – отличная мумия получится. Выйдет существенная экономия на гриме – он здесь ни к чему.

Сухое существо с грязными седыми волосами, небрежно обрезанными на уровне плеч, обмотанное непонятно на чем держащимся тряпьем. Желтое лицо с носом-клювом, выдающимся над впалыми морщинистыми щеками, трясущиеся руки, подгибающиеся ноги. Глаза и впрямь будто неживые – никаких эмоций. Только бесконечная усталость и тоска. Я не смог поймать его бегающего взгляда, да и не стремился. И без этого понял, что разговор получится непростой.

– Тук, ты его разбудил?

– Нет.

– А чего он скулит?

– Да кто ж его знает?! Боится, наверное.

– Эй! Уважаемый! Не бойтесь, мы вас не тронем.

В ответ старик заскулил еще сильнее.

– Да что это с ним?!

– Так чужих давно не видел. И вообще думает, что мы его выгоним.

– Куда выгоним?

– Да на улицу. Местные, похоже, давно это хотят сделать. Еды нет, а кормить его приходится. Толку с такого?

– Да уж... порядочки у них...

– Не от хорошей жизни. Чего еще ждать от тех, кто под землей почти безвылазно сидит?

– Дедушка. Да не тряситесь вы. Мы же вам ничего не сделаем. Просто поговорим. Вы меня понимаете?

Реакции ноль, если не считать все тех же скулящих звуков. Мне не по себе стало от такой картины. Я, конечно, знаю, что этот мир – не райское местечко, но впервые вижу, чтобы человека довели до такого состояния. Голод не голод, а стариков уважать надо – все такие будем.

Или я чего-то в голоде не понимаю...

Тук, пошарив за пазухой, вытащил черствую лепешку, отломил кусочек, протянул старику:

– Держи, болезный. Ешь. Это вкусно.

Тот, прекратив скулить, впервые взглянул на мир почти осмысленно, с немалой толикой настороженности и алчности. С полминуты неподвижно смотрел на угощение, будто гипнотизируя добычу, затем неуверенно протянул трясущуюся руку, сжал пищу кончиками пальцев, резко выхватил, забросил в рот. Торопливо жуя, заскулил еще сильнее, из глаз хлынули слезы.

– Да не бойся ты, не отнимем, – начал утешать его Тук. – Вкусно? Еще хочешь?

Старик, сухо прокашлявшись, лихорадочно затряс головой.

– Так и знал, что хочешь. Кушай-кушай, дедушка. А теперь поговори с сэром стражем. Как только он тебя поспрашивает, я всю лепешку отдам. Не бойся, не обману. Сэр Дан, говорите, чего хотели. Такие как пожуют немного, сразу соображать начинают. Но ненадолго. Так что не медлите.

Поднявшись, я присел на какой-то длинный низкий предмет, прикрытый ветхой шкурой. Неудобно – похоже, под ней колода сучковатая. Но других «стульев» в помещении нет – буду довольствоваться этим.

– Скажите, вы правда помните стража Буониса?

Поначалу старик не отреагировал, но, когда Тук помахал у него перед глазами лепешкой, скрипучим шепелявым голосом тихо произнес:

– Я помню сэра Буониса. Отдайте хлеб.

– Дай ему.

– Рано. – Тук покачал головой. – Для него это много. Как наестся – осоловеет и слова не скажет уже.

– Ладно. Вы слышали? Поговорим – тогда получите. Вы хорошо помните стража?

– Я мало что помню. Но я помню, что мой отец служил у него.

– Буонис был очень стар. Наверное, часто болел. Ты помнишь, как он болел?

– Нет. Он был крепким. Но старым.

– Уважаемый, Тук даст вам мешок еды, если вы вспомните, как болел сэр страж. Неужели он всегда был крепким и здоровым? Вспомните, пожалуйста, это очень важно.

– Он дряхлел. Не так сильно, как я, но дряхлел. А потом это проходило.

– Проходило? Как?! – вскинулся я.

– Я... Я не знаю... Я не могу это знать... – В глазах старика опять показались слезы.

– Вспомни. Пожалуйста, вспомни. Как это происходило? – Я едва за плечи его не ухватил, чтобы потрясти и тем самым запугать окончательно, – успел остановить уже тянущиеся руки. – Ты же видел его? Он что – просто так изменялся? Или что-то делал для этого?

– Никто не видел, как он это делает. Страж уходил от всех.

– Ну хорошо. Уходил. Куда уходил?

Старик, обернувшись, ткнул в сторону лаза:

– Туда он шел. На юг. К Черному озеру. И дальше. По реке. Я уже не помню, как она называется. Никто туда не ходил и не ходит. Проклятые места. Тропа Погани.

– Тропа Погани?

– Да. Старая дорога. К границе. Совсем старая. Говорят, она и на дорогу не похожа. Ущелье узкое и темное. Нечистое место. Тьма рядом. Кирт древний. Всякое случается. Нет там людей. А страж ходил к той реке. Сам ходил. Только лошадь брал. Если за ним кто-нибудь пробовал идти, то гневался сильно. Его провожали до озера, а затем оставляли одного. Потом, спустя время, он выходил к Мальроку и оттуда возвращался домой. Я все рассказал, дайте мне хлеб.

– Нет. Ты не рассказал главного. Вот дряхлость его как пропадала? Уходил он, когда старел, – а дальше? Что с ним потом было?

– Когда он возвращался... Когда я начал дряхлеть, то стал жалеть, что не умею делать так, как он...

– Он становился молодым?

– Нет. Не совсем. Не знаю. Он будто десять лет прожил, но как-то не так. Будто время назад для него текло. Но глаза его оставались старыми. У него был очень усталый взгляд. А после того, когда возвращался, усталости в нем становилось больше. И боли. Я был ребенком. Мне было страшно, но и любопытно. И я отважился его спросить. Он тогда ответил: «Мы – не люди, мы – стражи. Чтобы продолжать жить, мы должны отдавать свою жизнь до последней капли, и только тогда все начинается заново». Я попросил взять меня с собой, чтобы посмотреть, как он это делает, но Буонис отказал. Никто не должен был этого видеть. Свой путь надо пройти в одиночку. Так он сказал. Мне можно взять хлеб?

Я пытался спрашивать по-разному, но старик, похоже, и в самом деле больше ничего не знал.

Картина вырисовывалась простая и непонятная. Страж Буонис прожил на побережье Межгорья немало лет. Мужчиной он был крепким, но возраст брал свое. И когда нехорошие изменения накапливались (почти как у меня сейчас), он поступал одним и тем же способом: брал коня, оружие, небольшой запас продуктов и отправлялся в долину речки, впадающей в самое южное озеро здешнего «водного ромба». Проведя там некоторое время, он возвращался через Мальрок.

Я было заподозрил, что страж ездил еще дальше, в опоганенные земли, но старик заявил, что дозоры на границе никогда его не замечали. Пройти мимо них там затруднительно – через обрывы горной гряды существовало лишь несколько узких проходов. Как ни хитри, но хотя бы след оставишь.

После отлучки страж возвращался обновленным человеком. Полным сил. Здоровым. И в таком состоянии находился несколько лет – до очередного загадочного вояжа.

Что он там делал? Никому не известно, ведь он ходил один.

Боги, как же я хочу это знать!

Но подробностей из старика выдать не удалось. Чудо, что он хотя бы это вспомнил. Приказав Туку наградить его продовольственной премией, я завалился спать, вместо подушки используя все тот же кусок колоды, прикрытой дурнопахнущей шкурой. Мне уже плевать на такие мелочи – слишком трудный день для инвалида.

Да и вечер тоже.

Глава 4

Непопулярные решения

Утро не заладилось.

Во-первых, проснувшись, я тут же об этом пожалел. Ведь пока похрапываешь, все так замечательно – ничего плохого не чувствуешь. А стоит глаза продрать – и наваливается... Болело абсолютно все. Суставы крутили десятки невидимых инквизиторов, простуженное горло резали ржавыми ножами, в голове поселился неутомимый садист с электрической дрелью. Похоже, надо было сюда еще раньше выдвигаться – процесс распада резко ускорился.

Во-вторых, еще не поднявшись, я ощутил запах разложения. Его почему-то принято называть сладковатым, но тот, кто это придумал, видимо, ни разу в жизни не видел сахара. Непереносимая мерзость легко перебивала обычную местную вонь, а ее происхождение было загадкой. С перепугу решил было, что от меня нести начало, но, к счастью (или к горю), ошибся. Источник выдал себя податливой мягкостью под головой. Никогда не поверю, что за ночь деревянная колода станет мягкой.

Это оказалась не колода – откинув в сторону грязную шкуру, я обнаружил под ней тело безнадежно исхудавшего мальчика лет десяти-одиннадцати.

На мой крик показался Тук и, уставившись на детское тело, поинтересовался:

– Что-то не так?

– Да ты что! Не видишь сам?! Здесь мертвый мальчишка!

– Да они мрут как мухи. Не обращайтесь внимания. Голод, сырость, холод. Все подохнут, если не уйдут. Но уперлись – думают, что здесь вольготнее всего. Не достанет ни погань с демами, ни ортарцы. А толку-то от такой жизни?

– Тук... они... Они что – от голода умирают? Дети? Я думал, что здесь только стариков плохо кормят.

– Да нечего им жрать. Даже мыши отсюда улетели. Осталось несколько, но попробуй их еще найди и достань. Ниже идут большие пещеры, там до потолков камнем трудно добросить. Вот в них нетопырей полно. Но с другой стороны, разве ж это еда? Тьфу! А эти туда ходить боятся – нехорошее там что-то водится. Уже совались вниз, да только возвращались не все. Оставшиеся решили, что тамошние мыши не стоят такого риска.

– Я... Я не могу здесь оставаться. Мне нужен свежий воздух.

– Давайте к выходу переберемся, там поменьше воняет. У костерка погреетесь, отвара горячего выпьете, покушаете.

– Хорошо. И старика ко мне приведи. Я тут кое-что надумал, но вопросы к нему остались.

– Так он уже ничего вам не расскажет.

– Почему?

– Так помер он.

– Как?!

– А молча. Накушался, лег – и не встал больше. Зря ему столько хлеба дали. А может, и не зря: хоть сытым помер. Эй! Сэр страж! Что это с вами?!

– Тук! Как можно так жить! Да что вы за люди?!

– А я-то здесь при чем?! Мы на Бакае так не жили. И в норы у нас никто не прятался. Это все местные. Здесь, возле берега, самое межгорское отребье в последние годы жило. Другие ушли, не выдержали. Демы покоя не дают – постоянно шастают. Приличный хозяин везде себе дом справит и занятие найдет, а такие, как эти, нигде не нужны. Они и сами это знают, вот и не рыпаются.

Покосившись на тело мальчика, я покачал головой и непреклонным тоном постановил:

– Ужинаем, потом вяжем всех – и тащим за собой. Оставлять их не будем.

– Так сбегут по дороге.

– Отведем подальше от пещеры – может, хоть дороги не найдут. Да и не все сбегут.

– Ваша правда, не все. Ох и нелегко с такими будет. Бочку вшей в замок притащим – не отмыть и не отстирать здесь.

– Много людей?

– А кто ж его знает... Справимся как-нибудь.

– Хорошо. Нам надо справиться, иначе... Тук, да нельзя так жить! Чтобы дети умирали и старики плакали от голода... Это в голове не укладывается...

– Говорите будто церковник, но ваша правда. Нельзя.

– Потом пойдем другой дорогой. Южной. Епископ говорил, что мосты на ней целые.

– Если так, то пройдем. А если нет – трудно придется. Дожди чуть не каждый день – реки раздуло.

– Дойдем до Черного озера – и там меня оставите. В Мальрок вернусь сам. Позже...

– Да вы что говорите?!

– Так надо. Дело у меня там. Важное.

– Рехнулись?! Да здесь одному даже мне боязно оставаться, а вас того и гляди зайцы обижать начнут!

– Ну, с зайцем, предположим, я как-нибудь справлюсь. Не спорь. И не перечь мне.

– Так я же для вашего добра!

– Знаю, потому и не сержусь на такие слова.

– Раз уж дело важное, так давайте все вместе его сделаем, а потом вернемся в замок.

– Нет. Я должен быть один.

– Ну хотя бы меня с собой возьмите. Один или два – разница невелика.

– Тук, ты молодец, и спасибо тебе за все. Но я должен быть один. Это очень важно. Настолько важно, что я описать не могу. От этого зависит моя жизнь. Даже тайком за мной никому идти нельзя.

– Да что же это такое! Как я людям в глаза потом смотреть буду? Оставил сэра стража больного и немощного, а сам в теплый замок подался! Так получается?!

– Скажешь, что я приказал. И скажешь, что это дело касается только стражей. Никому, кроме них, за мной ходу нет.

– Сэр, да вы и сотни шагов не пройдете. Да вы поскользнетесь на ровном месте и что-нибудь сломаете. Да вас без ветра шатает.

– Верхом поеду.

– Ага. И свалитесь к вечеру, если не раньше. Как вчера свалились. Сэр страж, давайте вы в себя немного придете, а потом уж езжайте куда хотите – никто и глазом на такое не поведет.

Я знал, что уговорить Тука будет труднее всего: излишняя демократичность бакайцев играла против меня, – порядочный слуга перечить своему господину не должен. Но ничего, обязательно добьюсь своего. С горбуном это будет гораздо легче, чем с сержантом. Солдафона я бы ничем не пронял...

* * *

Быстро выйти не получилось. Для начала доблестные воины часа два выволакивали жителей пещеры на свет божий. Лишь единицы из них при этом не оказывали сопротивления, да и то по причине крайней степени изнеможенности. Глядя на этих дистрофиков, я содрогался. Сами себя довели до предела, добровольно закрывшись в подземном концлагере.

Некоторые и впрямь будто одичали – несмотря на путы, пытались сопротивляться. Даже до зубов дело доходило. Парочка женщин почти непрерывно завывала, время от времени им начинали аккомпанировать остальные. Плакали дети, ругались чумазные мужички. Несмотря на то что дело происходило на улице и сидел я на приличном удалении от входа, ноздри улавливали нехорошие ароматы – смердело от здешних межгорцев будто от веками не чищенного нужника. Это вызывало омерзение и напрягало – наводило на мысли о страшных болячках. Хотя если верить историкам, на Земле существовали целые народы, не знакомые с водной гигиеной. Их представители ухитрялись доживать до глубокой старости. Говорят, одеколон и духи изобрели, чтобы заглушать вонь. Не верю – подобного духана никаким парфюмом не заглушить. Или я слишком утончен в сравнении с предками? Опять же пещерная жизнь может сказываться, плюс недоедание, плюс паразиты. Сам видел, как в сырых тряпках расползающейся одежды заводятся жирные черные мокрицы.

Мирул, ошалевший от всего происходящего, отрапортовал без былой бодрости:

– Сэр страж. Мы все сделали. Сорок два человека здесь, считая детей.

– Вижу... Надеюсь, не все разбегутся по дороге.

– Их бы стреножить, но тогда идти не смогут быстро.

– Детей на заводных лошадях, женщин, которые послабее, тоже. И стариков.

– Сделаем.

* * *

Новой миссией солдаты были недовольны. Нет, они не против возвращения южной дорогой. Одно неудобство – фургон так и останется у деревни на западе, но эта проблема их не должна волновать. А вот присмотр за толпой полудиких оборванцев напрягает очень даже сильно. Я не сомневался, что в случае попыток побега они не будут выказывать чрезмерного служебного рвения – чем меньше межгорцев останется, тем чище будет атмосфера в походе.

И сам временами начинал жалеть, что связался с этим делом, но, вспоминая мертвого мальчика, забывал о сомнениях. Пусть взрослые разбегутся, но хоть маленькие дети останутся. Толку от них, конечно, мне никакого, но в данном случае даже такая бессовестная личность, как я, готова идти на альтруизм.

Странно, но, несмотря на общее ухудшение самочувствия, в седле я держался получше, чем вчера. И временами, на ровных участках тропы, даже начинал вести беседы с Зеленым. Попугай, ежась от срывающихся капель холодного дождя, не был расположен к общению и угрюмо отмалчивался. На прямые требовательные вопросы скупно ругался или переводил разговор на тему алкоголя. В общем, ценных сведений о болезнях стражей я от него так и не добился.

Ведь наверняка знает что-то, но молчит как глухонемой партизан на допросе. Не первый раз пытаю, но все без толку. А еще друг называется...

Изредка лес редел, и, выбираясь на более-менее открытые места, я осматривал окрестности. Ничего интересного ни разу не заметил. Холмы с каменистыми склонами и редкими скальными обнажениями; вымершие нищие деревеньки в долинах; мутные из-за нескончаемых дождей ручьи; заброшенные поля и огороды; человеческие и лошадиные кости, местами встречающиеся чуть ли не на каждом шагу. Море, которое иногда проглядывало слева, безрадостной картины не скрашивало. Такое же черно-мрачное, как и все вокруг. После полудня справа пару раз заметил гладь большого озера – второе по величине и самое восточное в межгорском ромбе. Вид у него был столь же по-зимнему унылый – только льда не хватало. Будь я даже в нормальном состоянии, при длительном созерцании столь «веселых» пейзажей захотел бы повеситься. А уж сейчас хоть волком вой.

Кстати о волках: серые показывались нередко. По одному, по двое, а один раз целую стаю заметили. Нагло изучали нас с безопасной дистанции, даже не думая прятаться. Особенно запомнился матерый хищник, рассеявшийся на вершине лысого холма. Будто изваяние – за все время, пока мы проходили мимо, ни разу ухом не повел.

Следят за нами – или просто показывают, кто теперь здесь хозяин? Лучше бы последнее – нам такие тамбовские товарищи в соглядатаях не нужны.

К вечеру погода немного улучшилась. Низкая сплошная облачность никуда не пропала, но перестала осыпать водяной пылью. Правда, похолодало немного, но это гораздо приятнее, чем почти нескончаемый поток сырости.

Уже в глубоких сумерках выехали к рыбацкой деревушке, недлинной полоской растянувшейся вдоль каменистого берега Черного озера. Его также называли Южным, ввиду того что это был самый южный водоем межгорского водного ромба. Самое маленькое, но при этом, по слухам, жуткой глубины и неподвижно-угрюмое даже в тихий летний полдень. Будь я в приличной форме – непременно бы плюнул в его мрачные воды из чувства протеста перед подчеркнуто невеселым природным явлением. Но сейчас сил хватило лишь самостоятельно спешиться и проследовать в низенький домишко, к жесткой лежанке. Даже этот невеликий труд дался с трудом. Не желай я создать у народа впечатление, что со мной все в порядке, – попросил бы помощи у Тука.

Кстати, прогресс. Хоть муки и адские, но держусь более самостоятельно, чем вчера. Или просто привыкаю к боли? Глядишь, еще нравиться начнет – прикуплю

парочку хлыстов и высокие черные сапоги...

* * *

Спал я будто на раскаленной сковороде – муки точь-в-точь. Хоть и свыкся немного с болью в каждой косточке и суставе, но благодатно дремать, когда тебя распиливают на сто частей, не получается. Ворочался так, что халупу едва не развалил, но без толку – оптимального положения для истерзанного тела не нашел.

Так что провертелся далеко за полночь, заодно загружая голову мрачными мыслями: хоть какое-то отвлечение.

Что за бред я опять задумал? Неужели то, что у меня располагается в черепе, окончательно в прокисшую кашу превратилось? Я чуть ли не с первого дня своей новой жизни имел склонность к скоропалительным спорным решениям, но то, что предстояло теперь, било все рекорды.

Что я буду делать один на этой богами забытой дороге? Если туда не ходят межгорцы – это не просто так. Люди – создания еще те: везде любят нос совать. И отучить их от этой привычки можно лишь с помощью кровавой носотривалки, которая, очень даже может быть, располагается в заинтересовавшей меня местности.

В принципе мне и без лишних сложностей искать приключений не рекомендуется. В моем состоянии я в одиночку долго не протяну. Замерзну в холодную ночь, упаду с лошади, не смогу отбиться от хищников. Я беспомощен, как ребенок, и нахожусь далеко не в раю. Погода такая, что и здорового легко доконает, а уж меня...

С другой стороны, страж Буонис ходил туда именно в одиночку. При этом состояние его было схожим с моим. Насколько я понял, одиночество это очень важно – не зря он никого рядом с собой не допускал. Я настолько этим проникся, что даже решился на немыслимое – оставить Зеленого. Ведь старик ничего не говорил про попугая. Неизвестно, можно ли брать умную птицу с собой. Ситуация не та, где стоит экспериментировать, – лучше обойдусь без пернатого.

К тому же неизвестно, что будет дальше. Я бы на себя ставить не стал – при моем везении минимум девяносто процентов вероятности плохого исхода. Если так, Зеленый пригодится другим. Живой детектор нечисти – уверен, что погань нас в покое не оставит. Некому охранять тропы, ведущие на юг; нет сил для контроля всех уголков долины; возможно, сохранились островки скверны, не выжженные армией. Попугай в таких условиях будет кстати.

Хотя неизвестно – может, он без меня бесполезен...

Буонис знал, зачем ходил, а я – нет. Что он там делал? Неизвестно... Старик сказал, что страж возвращался обновленным, но как он этого добивался – никому не известно. В итоге я чуть живой собрался в одиночку идти туда – не знаю куда, за тем – не знаю за чем. Классическая ситуация в сказках, где в главных героях Иван-дурак.

В сказках дуракам везет, в реальности – не уверен.

А какая альтернатива? Разрушаться и дальше? До финиша? Нет уж, лучше схожу.

Проклятый топчан – он будто создан для занятий садизмом.

Кстати, насчет везения. Пока что, несмотря на все неприятности, я в итоге ухитрялся выпутываться. Это проделки фортуны или результат моей неумной жадности деятельности? Там, где любой опустил бы руки, я продолжаю барахтаться с диким энтузиазмом, как та упрямая лягушка, которая, вместо того чтобы утонуть в сметане, взбила ее в масло. И теперешний замысел органично вписывается в стандартную линию моего поведения – я бы на месте той квакуши довел дело до твердого сыра. Понимаю, что это невозможно, но ведь в случае со сметаной тоже использовалась натяжка.

Если мое упрямство помогало раньше, может, и сейчас сработает?

* * *

– Зеленый. Я знаю, что ты не любишь сидеть в клетке, но придется смириться – иначе ты можешь удрать и полететь меня искать, а это нежелательно. Но у тебя

по-прежнему есть альтернатива. Подскажи способ вылечиться или хотя бы намекни: как связаться с теми, кто его знает? И тогда мы все переиграем. Мне ведь тоже не хочется в одиночку бродить по этим холмам – гостиниц теплых там нет. Ну как? Договорились? Скажешь?

Нахохлившийся птиц воплощал собой само недовольство: отсыревшие кончики перьев, взъерошенный вид, затаенная злоба в глазах – он не любил, когда его закрывали в клетке. Да и сухой закон в походе достал уже до печени. И во взгляде еще что-то странное – пестрая помесь сочувствия и упрямства.

– Молчишь? Ну молчи-молчи... А еще друг называется...

Тут уж попугай не выдержал:

– Сходи и утопись по-быстрому – не заслоняй мне солнце!

Я покачал головой:

– Ну ты и сволочь!

– Молчи, смерд! Сгною!

– Зеленый! Если я вернусь, то первым делом тебя на бульон пущу!

– В этом вертепе могут и отравить.

– Я знаю, что ты тварь ядовитая, но ради такого дела рискну!

Тук, прислушиваясь к нашей милой беседе, насторожился:

– А чего это вы сказали «если вернусь»?

– Оговорился. «Когда вернусь».

Горбун недоверчиво нахмурился, а я, переводя мысли этого простодушного человека на другую колею, приказал:

– Епископу передашь, чтобы организовал перевозку угля от тех ям, что межгорцы в холмах устроили. Там его много уже должно накопиться. И до моего возвращения попугая не поить. Из клетки тоже не выпускать. И следить за его поведением.

– Чтоб ты до смерти подавился! – возмутился птиц.

– Как это – следить? – уточнил Тук.

– Если волноваться начнет, значит, готовьтесь встречать нечисть.

– Так если его не поить и держать взаперти, он весь замок разнесет. А вы говорите «волноваться»...

– Все равно следите.

– И долго вас ждать?

– Как получится. Дня три-четыре минимум, а то и неделю. Наверное...

Я ведь вряд ли продержусь здесь дольше. Но об этом Туку лучше не знать.

Эх, Зеленый-Зеленый... Ну почему ты молчишь? Ведь наверняка что-то знаешь. Гнусная скрытная тварь!

* * *

Вот и все. За поворотом дороги скрывается хвост колонны – всадники, обступившие вереницу устало плетущихся межгорцев. Они уходят в Мальрок, а я остаюсь.

С востока и юга все те же каменистые холмы, на западе петляет быстрая речушка, питающая Черное озеро. Лес здесь сводить некому – дикие места, но приличной растительности все равно мало. Лишь по берегу и в распадках темнеют зимние безлистые заросли, да кое-где на склонах зеленеют невысокие,

но пышные заросли древовидного можжевельника.

Здесь и летом уныло, а уж сейчас...

Природа, будто приветствуя мое самоубийственное решение, плюнула в лицо порывом холодного ветра, усиленного шариками ледяной крупы. Пару минут как остался один, но уже проклиная себя за глупость.

Ладно, пожалеть себя любимого всегда успею. Что мы имеем? Я один – это плохо. Но мне уже доводилось бывать в одиночестве. Я сумел море переплыть самостоятельно, мною медведь подавился. Так что опыт выживания имеется.

Я в не самой лучшей физической форме – это тоже плохо. Но и в таких делах у меня тоже есть опыт. Много ли найдется людей, способных на сломанных ногах сбежать из застенка, сжечь тюрьму, разгромить обитель инквизиции, отыскать пропавшего друга? Лично мне такой человек известен в одном экземпляре. Будь у меня зеркало – сейчас бы на него полюбовался.

Что с вещественным обеспечением? Имеется транспортное средство: лошадь (одна штука). Брать вторую не стал – сил не хватит управиться с двумя. В переметных сумах запас продовольствия, овса, сухая одежда, кусок натертой воском парусины. Тук даже позаботился о вымазанной в смоле лучине для растопки костров. При моем аппетите протяну недели две. Коню придется хуже – в основном будет довольствоваться подножным кормом. Ничего, как-нибудь перебьется.

Есть арбалет – не слишком сильный, но очень удобный. С таким даже немощный сможет управиться. Два ножа; легкий матийский меч, не раз выручавший в трудную минуту; свинцовая гирия на плетеном ремешке. Не сказать, что готов к серьезному бою, но хлеб нарезать сумею.

Если вспомнить мой великий поход по морю, тогда из имущества имелись лишь рубаха и штаны. Однако даже при столь слабом материальном обеспечении я сумел расправиться с медведем (один раз убил, на второй – убежал), преодолеть десятки километров водных пространств, развести костер и даже нашел себе кое-что перекусить.

В общем, по транспорту и матобеспечению у меня одни плюсы. Главное – не свалиться окончательно, а об остальном можно не волноваться. Если сейчас развернусь и направлюсь в Мальрок, скорее всего, завтра к вечеру увижу его стены. Но что мне там делать? Я не для того здесь остался. Пора браться за дело.

* * *

Старую дорогу искать не пришлось – мой четвероногий транспорт справился с этой задачей самостоятельно. Я просто направлял лошадку вдоль реки, и животное, незначительно маневрируя во все стороны, старалось выбирать оптимальный путь. Через какое-то время стало заметно, что когда-то в этих нехоженных местах было гораздо оживленнее. В природе ровные тропы сами по себе не возникают, тем более такие широкие. Брошенный тракт – доводилось уже по таким бродить в начале своей эпопеи.

Как я ни старался, но следов человеческих рук не замечал. Просто ровная лента, тянущаяся меж холмов. Ни брусчатки, проглядывающей между островками мха и пучками высохшей травы, ни остатков придорожных строений. Но все равно уверен – я на правильном пути. Это то самое место, о котором рассказывал умерший старик. Я иду по следам своего предшественника. Сворачивать некуда, и это радует – значит, направление единственно верное.

Недолго я радовался открытию. Погода серьезно ухудшилась – крупа теперь сыпалась почти непрерывно, а иногда начинал валить мокрый снег, причем крупными хлопьями. Затем попало первое несомненное творение рук человеческих, но я этой находке не обрадовался. Все дело в том, что это были остатки моста – каменные быки, некогда несущие бревенчатый настил, – и руины дозорной башенки на левом берегу. Естественно, от настила не осталось и следа, но вот река, над которой он тянулся, никуда не делась – все так же бесновалась внизу.

Река по закону подлости была широкой, но на вид мелкой – быстрые воды пенились среди валунов на сплошном перекате. Мысль о том, что надо попробовать перебраться через это безобразие, мне не понравилась. Там и здорового с ног может сбить, а такого доходягу, как я, ждет судьба окурка, угодившего в смываемый унитаз. И лошадь не очень-то поможет – верхом переправляться нельзя (животине и без ноши трудно придется), а

привязываться бесполезно – буду утопленником на веревочке.

Что делать? Хотелось плюнуть на все, спешиться, скрючиться в позе «бублик на боку», завернуться в плащ и просто лежать. Говорят, смерть от холода не так уж болезненна, а до утра я точно не дотяну при такой погоде. С другой стороны, сдохнуть всегда успею, так что пока имеются силы, надо продолжать барахтаться.

Подставляя лицо порывам злого, холодного ветра, колючим пулям ледяной крупы и влажным снежным хлопьям, я некоторое время озираю окрестности и в итоге направил коня вверх по течению. В принципе единственно верное решение, так как брод здесь сомнительный, а что творится в другой стороне, знаю прекрасно – ведь оттуда прибыл.

Строители дороги не просто так поставили мост. Местность здесь стала совсем уж изрезанной, а берега чем дальше, тем обрывистее. Я не то что брода – нормальных спусков найти не мог. Вернуться назад? А там что? Да ничего – нет альтернативы. Ну не может же мне все время не везти. Еще чуть-чуть – и обязательно найдется удобная переправа, а за ней непременно окажется сухой грот с запасом дров, где можно будет немного отдохнуть и обогреться.

Лошадь, недовольная тем, что мы сменили удобную дорогу на сущее безобразие, внезапно всхрапнула и резво дернулась, вознамерившись сигануть в сторону обрыва. Я с трудом пресек ее суицидальный порыв, при этом поневоле полуобернувшись. То, что заметил за спиной, мне очень не понравилось.

Волки. Четверка хищников. За время похода к побережью я не раз видел этих серых разбойников, но они всегда держались в отдалении. А сейчас все не так – рядом показались. Выскочили на склон пригорка, испугав лошадку. Можно из лука добить или моего несерьезного с виду арбалета. Да что там – сильная рука и копье до них может добросить.

Странно, почему я называю их серыми? Шерсть темная – почти черная. Нездорово огромные – немногим матерому медведю уступают, – шерсть короткая, лоснящаяся, глаза красные, смотрят без страха и как-то мрачно. Непохожи они на обычных волков. Хотя я не специалист – может, как раз все нормально.

Дыма в округе не было, но ощутимо запахло жареным. Ни за что не поверю, что волки просто так приблизились. Хитрые твари наверняка не один час за мной наблюдали и наверняка поняли, что я сейчас, по сути, корм собачий, а не вооруженный и опасный человек.

«Санитары леса» совершенно правы. При большой удаче я могу подбить одного из арбалета, но на этом все. В седле перезарядить оружие не получится – даже при удобной конструкции взвода потребуется пара сильных рук. Спешиваться – самоубийство: налетят прежде, чем за рычаг схватишься.

Что остается? Ехать дальше с подчеркнуто безмятежным видом? Дескать, все замечательно и прекрасно, а волки мне не мешают...

Конь принял решение за седока – видимо, как и серые, тоже не воспринимал меня всерьез. Заржал и, не обращая внимания на поводья, понесся вперед. Я почти сразу бросил попытки повлиять на его курс – все силы уходили на то, чтобы не вылететь из седла. И мне не пришлось оглядываться на волков – я и без того не сомневался, что они в затылок дышат. Лучшая приманка почти для всех хищников – это вид улепетывающей дичи.

– Давай, родной! Ходу! – крикнул я.

Коня вряд ли это приободрило, но ничем другим я ему помочь не мог. Сейчас бы по-хорошему обернуться и разрядить арбалет в самого прыткого серого. Стая, потеряв спринт-лидера, ослабнет, увеличив наши шансы. Вот только не взведен он, и поправить это я не смогу. Даже здоровому человеку зарядить на скаку нелегко – неровное бездорожье, осложненное россыпями валунов и островками непролазных зарослей местного древовидного можжевельника, превращало нашу гонку в рискованный аттракцион. Меня то подбрасывало вверх, то норовило снести в сторону, то в седло вжимало. Мотало так, что впору зубами в гриву вцепляться – ослабевшие руки того и гляди подведут. Отвлекаться на стрельбу никак невозможно. Даже для крепкого парня рискованно, а уж для меня...

Вот и подбадривал лошадку истошными криками – на нее теперь вся надежда.

Видимо, плохо подбадривал. А может, и впрямь высшие силы решили превратить мою полосу невезения в кольцевую трассу. Хотя и без них могло обойтись – на

такой местности конные скачки ни к чему хорошему не приведут.

Я не видел, что произошло. То ли копыто зацепилось за камень, то ли угодило в норку суслика, или просто рыхлая почва подалась. Да не столь важно... Просто лошадь закричала, мир бешено закрутился, навстречу бросилась земля, а потом стало темно.

* * *

Странно, но, очнувшись, я в тот же миг осознал всю глубину бесперспективности ситуации, в которой оказался, и, преодолевая головокружение, смог вскочить относительно бодренько. Потом, правда, тело подвело – даже на адреналиновом подъеме слабость свое взяла. Пошатнувшись, удержался от падения с помощью подвернувшейся под руку ветки колючего кустарника. Сжав ее до крови в проткнутых ладонях, успокоил вестибулярный аппарат и только потом смог обернуться на источник неприятных звуков, располагавшийся, судя по всему, неподалеку.

По поводу дистанции я и впрямь не ошибся – действительно неподалеку. Точнее, шагах в десяти. Труп моей несчастной лошадки. Для констатации смерти ветеринар не понадобился – ну не может она жить с неестественно вывернутой шеей. К тому же на совесть обгрызенной.

Процесс грызни продолжался – четверка странных волков, не обращая на меня ни малейшего внимания, набивала желудки кровавым мясом моего несчастного «транспорта». Глядя, с какой скоростью их челюсти расправляются с крепкими жилами, я невольно сглотнул. Против таких «хлеборезок» я и в лучшие дни не выстоял бы, а сейчас...

Арбалет! Где он?!

Ну естественно, так и остался в сумке. Причем разряженный. Подойти и забрать? Ага – так они мне и позволят копать в барахле. Все мои вещички теперь принадлежат им. Да и я могу стать волчьей собственностью, если им не хватит конины: с такими аппетитами это запросто.

Как бы прочитав мои мысли, один из волков повернул голову и, яростно работая челюстями, покосился оценивающе, будто прикидывая количество мяса и требухи, которое можно из меня получить. Под этим взглядом я почувствовал себя крайне неуютно, инстинктивно шагнул назад, потянулся к рукояти меча. Хищник, проглотив комок мяса, оскалил зубы, утробно зарычал. Остальная тройка будто по команде прекратила пиршество, уставилась на меня.

Вот теперь точно хана. Сейчас порвут. Нечего и думать уйти. Так глупо закончить!

Выхватить меч и продать себя подороже? Как же... продам... Хорошо, если хоть одного поцарапать успею. Нemoшь ходячая! Недоразумение безголовое! Вот надо было взять с собой Тука, а не выдумывать небылиц!

Первый волк напрягся, приседая перед прыжком. Сейчас сиганет, и...

Но даже в этой ситуации у меня оставалось два выхода. Первый – погибнуть со стопроцентной гарантией от волчьих клыков. Второй – удрать, получив шанс на спасение. Да-да, удрать. Нечего и думать перегнать волков, но это не понадобится. В паре шагов от меня земля обрывается, и там, под высоким обрывом, журчат воды раздувшейся речушки. Вряд ли хищники станут меня преследовать: зачем тратить силы и время, если у них полно свежей конины. Я им сейчас не нужен – странно, что вообще агрессию проявляют.

Умереть всегда успею. Надо драпать. Причем срочно. И надеяться, что удача хоть немного смилостивится – обрыв высок, а река неглубока. Но смерть от удара головой о валун все же лучше, чем от клыков.

Не колеблясь, рванул назад, одновременно разворачиваясь. Краем глаза увидел, что волки, дернувшись следом, тут же замерли – они не хотели лететь следом.

Страшный миг падения. И еще более страшная картина приближения речного русла. Валун на валуне громоздится – один больше другого. А ямка, которую я облюбовал, такая крошечная.

И неглубокая...

Глава 5

Суровая теория и унылая практика

Было это бесконечно далеко по времени и еще дальше по расстоянию. А если точнее – уже не знаю где. За бездной... Земля... родной дом... типичная жизнь обычного человека. Ну разве что чуть-чуть выбивающегося из среднестатистических показателей.

Почему бесконечность? Я не знаю, сколько прошло с той поры, когда нормальная жизнь осталась в прошлом. Около полугода назад, если сложить земное время и местное. Но как знать – не исключено, что здешнее мгновение равно тамошнему веку или наоборот. Все ведь относительно. С расстоянием еще проще: даже умники, сумевшие меня сюда забросить, на такое никогда ни за что не ответят, потому что ответ невозможен.

Новая жизнь началась в тот миг, когда в кабинете с высоким потолком мне сообщили неприятную новость: «Существовать вам, молодой человек, осталось не так много, как вы рассчитывали. А именно – два-три месяца. Потом мучительная смерть».

По сути, почти так и вышло. Я уже не один раз умирал, а уж намучился-то как... Есть такая поговорка: «Ищет на свою задницу приключения». Про меня сказано, но слишком скромно. Складывается такое впечатление, что нижних частей спины у меня не меньше трех, и каждая прямо-таки переполнена талантами в области поиска неприятностей.

Те, кто меня готовил к миссии, видимо, это подозревали и попытались научить подопытного неудачника беречь талантливую часть организма в любой ситуации. Хоть и наспех, но я нахватался немало полезной информации, а кое-что и практикой успел закрепить. Был там один дедушка... Словами не описать, но уверен – если заморозить его в жидком гелии, затем проехать по ледышке асфальтовым катком, а потом выбросить то, что останется, в яму с голодными хищниками, он сделает лопату из собственных ногтей, прокопает подземный ход с электрическим освещением и выберется на поверхность живым, здоровым, в идеально отглаженном костюме из тигриных шкур. Это был настоящий гений.

Куда там тем интернет-выживальщикам – этот динозавр вряд ли когда-нибудь прикасался к клавиатуре. Он просто начинал реагировать на проблему еще до ее возникновения, причем делал это без суеты, выбирая самый эффективный вариант, и в самые острые моменты оставался тоскливым старикашкой с потухшими глазами. Нам скучна обыденность, а ему скучно все. Его не удивить и не напугать. Он всегда готов. Ко всему. Ни одна уважающая себя неприятность не рискнет сталкиваться со столь расчетливым субъектом.

А вот его ученика они почему-то обожали...

Еще минуту назад у меня была лошадь, сухая одежда, запас продовольствия и оружия. А теперь лошадь грызут волки-переростки, одежда вымокла до последней нитки, продовольствия нет, а из оружия лишь два ножа и меч. Причем последним я и помахать как следует не смогу – силы не те. Хотя купание в ледяной воде взбодрило серьезно – придя в себя после неуклюжего падения в реку, я, подняв голову над поверхностью, шумно вдохнул и на миг почувствовал себя почти что прежним ловким Даном. Лишь на миг – потом опять немощь навалилась. Но все равно приятно – значит, в стрессовой ситуации можно рассчитывать на резервные возможности.

Прежде всего надо осмотреть ноги – им больше всего досталось при ударе. Холодная вода штука коварная – может сгладить боль даже от серьезной раны. Хотя и плюс имеется: при понижении температуры сосуды сужаются и кровь вытекает медленнее.

Штанина под коленом разорвана, в дырке просматривается добротная ссадина. Видимо, валун задел. Не так страшно.

Ноги действуют, руки тоже, спина распрямляется. Будем считать, что серьезных травм нет. С медосмотром покончено – надо сматываться отсюда, покуда льдом не покрылся. Да и волки могут не полениться спуститься – кто знает, чего можно ожидать от этих черно-серых мутантов?

Только выбравшись на камни, понял, насколько холодна вода. При падении она обожгла, но шок от удара заглушил первое впечатление. А сейчас даже в мокрой одежде чувствовал себя как в бане. Это, конечно, ложное ощущение – в нынешнем состоянии свалюсь от гипотермии через несколько минут.

Фигушки – не на того напали! Вперед, к противоположному берегу. Проваливаясь по пояс, падая под напором течения, хватаясь за скользкие валуны. Двигайся, Дан! Шевелись! Быстрее!

Последний рывок. Все – выбираюсь на мелководье с ровным дном, сложенным мелкими разноцветными камешками. Будь ситуация другой – не поленился бы остановиться, чтобы, как обычно, изучить каждый на предмет обнаружения полезных ископаемых. Но сейчас хоть золотыми самородками усыпь всю округу – нет мне до них дела.

Берег. Река осталась за спиной. Пожелание Зеленого утопиться как можно быстрее не сбылось – хоть какой-то плюс. А замерзнуть пернатая скотина мне не пожелала? Не помню, но я к этому близок. Холод такой, что кости льдом покрываются, зубы стучат с шумом работающего перфоратора – небось эмаль вся растрескалась.

Дальше. Здесь нельзя оставаться. Волки близко. Хоть они и заняты лошадью, не стоит дразнить хищников зрелищем обессиленного человека – с обрыва высокого берега они меня видят прекрасно.

Вламываюсь в заросли зимних кустов. Кое-где остались болтаться засохшие листья, но все равно видимость прекрасная – понимаю, что по этим дебрям мне придется топтать не одну сотню метров. Идти тяжело: мокрая одежда будто свинцом залита, в сапогах чавкает вода, трясущиеся колени подгибаются от слабости, тело колотит от холода. Мне бы сейчас в парилку, а не экстримом заниматься...

Сбоку пронзительно заорал испуганный фазан, бросился удирать бегом, будто карликовый страус. Совершенно зря – я сейчас даже букашки обидеть не способен. Очередные кустарниковые дебри исцарапали лицо – на колючки нарвался. Выбравшись из зарослей, увидел впереди склон холма, чуть правее его обрезало узкое неглубокое ущелье. Хоть мозг почти отмерз, но остатков разума хватило, чтобы понять: там продолжается та самая трижды проклятая дорога, которая завела меня в эти неприятности.

А еще там видны следы недавнего оползня, деревья на его краю стоят вкривь и вкось, некоторые склонились до земли. Среди них есть и сухие. Это шанс.

Идти пришлось в быстром темпе. На грани бега. Медленнее нельзя – окоченею. Так тоже долго не протяну: загнусь от перегрузки. В моем состоянии даже в халате и легких тапочках такой темп развить трудно. Но я делаю это через «не могу»: с хрипом загнанной лошади; с полем зрения, свернувшимся в узкий туннель, направленный на цель; с отчаянием обреченного.

Вот и облюбванное дерево. Высохло на корню, сбросило кору, белеет голым стволом и сучьями. Меч из ножен – и резкий удар. Да уж... резким я его назвал преждевременно. Раньше такую палку играючи перерубал, а сейчас...

Начал расшатывать засевший клинок. Сук не выдержал издевательств, затрещал. Освобожденное оружие вырвалось из рук, покатилося по земле, а я плюхнулся на пятую точку, заработав упавшей деревяшкой по голени. Удар был сильный, но боли даже не почувствовал – окоченевшая кожа потеряла чувствительность.

Непослушными пальцами вытащил из-за голенища нож, начал строгать ветку. Поначалу процесс продвигался относительно легко – внешний слой, размякший от нескончаемых дождей, поддавался будто пластилиновый. Но потом дело дошло до не затронутых влагой слоев, и вот тут моим замерзшим рукам пришлось несладко.

Отвлекая голову от безнадежных мыслей, начал вспоминать дедушку-инструктора и его рассказы о миллионе способов разведения костров. Жаль, что этого старика сейчас рядом нет. Ему плевать, что весь мир вымок на три метра вглубь. Что нет сухой травы или бересты на растопку. Он из тех людей, которые на дне моря шашлык приготовят, – моих проблем даже не заметит.

Быстрее, Дан, быстрее. Надо успеть добыть огонь, пока с неба опять не полило. Тогда все твои приготовления вмиг отсыреют, и это конец – сил на новую попытку не осталось.

Как ни трудно было, но кучка чистой стружки разрослась до габаритов небольшой горки. Все, этого должно хватить. Теперь нужны дрова посерьезнее. Будь у меня силы, наколот бы мечом. Не топорик, конечно, но за неимением стюардессы любят пилота. Сил нет – придется импровизировать. С пояса снял второй нож. Боевой: толстое лезвие сужается к острию, образуя стальной клин. Хорошая штука, если надо проверить, нет ли чего-нибудь интересного под

ребрами недруга. А вот хлеб резать таким неудобно.

Приставил кончик ножа к изрезанной палке, заехал по рукоятке булыжником. Еще раз, и еще, забивая в древесину, раскалывая по волокнам. От камня отлетел осколок, до крови ужалил в щеку, но я не обратил на это внимания.

Успокоился, лишь заготовив кучку колотых сухих палочек. От них разгорится сырятина, которой под деревом полно, – даже такой доходяга, как я, легко насобирает.

А теперь самый сложный пункт программы...

Спичек у меня не было – в этом мире они неизвестны. Это и к лучшему – промокнув, они приходят в негодность в отличие от огнива.

Огниво... Еще до того как взялся за дрова, отцепил с пояса кожаный мешочек с приспособлениями для разжигания огня, разложил на сухом камне. Вода в него толком попасть не успела, но и пробравшихся единичных капель хватило, чтобы вызвать у меня нехорошие предчувствия. Пора проверить, повезет ли мне хотя бы в этом.

Полоска железа с насечками: кресало – грубое подобие напильника. И увесистый камень – подозреваю, что это пирит. Клочки обугленных тряпок, комок высушенного мха, непонятный пористый кусочек черной массы, очень легкий – все это барахло называется «трут». В теории попадание искры на него приводит к немедленному возгоранию. На практике...

Напильник-кресало в левую руку. Пальцем прижать к железу «колбаску» из завернутого в обгоревшую тряпицу мха. Пирит в правую ладонь, прицелиться, ударить. И огласить округу выражениями, свойственными специфическому слою пласта русского языка. Даже замороженным конечностям больно, если по ним стучат камнем.

Вторая попытка. Блин! Дан! Ты же ловкий парень! Попадай по кресалу, а не по себе! Есть! Но без толку – не занялось. Еще раз. Еще. Вот теперь пошло. Раздуть трут, бросить в кучку стружки, прикрыть ладонями от ветра.

Огню мое угощение понравилось – занялся лихо. Трут вытаскивать и тушить не стал – у меня еще остался, а сейчас не до экономии. Теперь колотые палочки, и побыстрее – стружка сгорит в одну минуту.

Когда под деревом с ревом задымила солидная куча сырых веток, я на остатках сил подтащил тройку трухлявых бревнышек, установил так, чтобы прогорала середина. Таким несложным способом из трех сделаю шесть, а потом выберу парочку посуше, используя как основу для примитивной лежанки. Не на мокрой же земле валяться!

Скинул тяжелую одежду, присел, протянул руки к теплу. Прикрыл глаза. Чувствовал я себя так, будто волоком перетащил авианосец из Балтийского моря в Каспийское. Не знаю, для чего мне понадобилось заниматься такой ерундой, но уверен, что сделал это в одиночку и без остановок. А теперь надо отдохнуть.

Отдых... блаженный отдых...

Стоп! Дурак! Не расслабляться! Так и уснешь сидя, а потом, инстинктивно придвигаясь к теплу, завалишься в костер. Надо потерпеть еще немного.

С неба опять сыпнуло крупой – погода решила, что можно продолжить издевательства. Поднялся со скрипом в коленях и хрустом в обдуваемой ветром спине – разрушающееся тело вело себя как чугунный корпус несмазанного робота.

Перетащил к костру все крупные палки, которые оказались мне под силу. Толку от них будет больше, чем от мелочи: в таком состоянии я не смогу следить за огнем непрерывно. Тройку увесистых веток поставил на манер каркаса вигвама, скрепил поверху размочаленным гибким прутиком. Набросил плащ, ниже развесил остальное тряпье. Не сказать чтобы получилось уютное жилище, но крупа будет меньше на макушку сыпать. Да и жар от костра кожа и шерстяная ткань отражают на озябшее тело, заодно подсыхая.

В мокрую землю вбил пару сучков, вверх тормашками повесил на них сапоги. Воды в них столько, что их у камина за день не высушишь, но хоть что-то. Длиннополая рубаха осталась на мне – как ни странно, но при такой погоде предпочел сидеть в сыром тряпье, чем совсем голым.

Вскоре жар от костра стал нестерпимым – хоть крупа и снег продолжали сыпаться, помешать накоплению раскаленных углей они не могли. Устроив под плащом-навесом несколько огрызков пережженных бревнышек, навалил на них веток с сухими листьями, разлегся почти как король. Левый бок дымит от стремительно высыхающей одежды, правый покрывается «гусиной кожей». Приходится вертеться.

Я был уверен, что не смогу уснуть, – и минуты спокойно не пролежишь в такой обстановке. Но когда в очередной раз продвинул в пылающее нутро костра прогоревшие дровишки и стал подумывать, что надо бы подложить под руку порцию свежей сырятины, начал подремывать. Ключнув носом первый раз, удивился. Решил, что время еще не позднее, чтобы отрубаться, и надо еще много чего сделать. Силы, конечно, в минусе, однако если поискать, должно хоть немного найтись. Нечего валяться: замерзнуть можно, да и волки где-то неподалеку бродят. Не готов я к серьезной ночевке.

Но все эти мысли бесследно растворились в бездне отупевшего от усталости мозга. Холод, боль, нытье в натруженных суставах, неудобное ложе – ничто не помешало. Я, без пяти минут граф Мальрока, привыкший спать на единственной замковой перине, неподалеку от никогда не гаснущего камина, вырубился на куче сырых сучковатых веток перед дымным костром, трещащим сырыми дровами. Сверху доставал мокрый снег, сбоку поддувал холодный ветер. Но честное слово – с самого лета не спал так комфортно.

Странно, но я ни о чем не жалел. Как бы мне ни было хреново, подспудно подогревала непонятно откуда взявшаяся уверенность: все, что делаю, – правильно. Ну или почти правильно. Хотя бы на месте не сижу – пытаюсь барахтаться.

Однако до утра эта уверенность не дожидилась...

* * *

Проснувшись, я едва не застонал: холод сковал левый бок, а все остальное оккупировала ноющая боль, доходящая до острой в местах, куда впились неровности неказистого ложа. Мрак крошечный – костер прогорел, кольцо тлеющих веток, уцелевших по краям, освещает лишь присыпанный пеплом пятачок выжженной земли, отделенный черным кольцом прогретой почвы от

тонкого белого покрывала выпавшего снега. Ветра нет, с неба тоже ничто не сыплется, но назвать обстановку безмолвной нельзя – где-то за сырой стенкой моего шалаша раздаются странные утробные звуки и шум сминаемой сухой растительности. Там кто-то бродит. И, судя по всему, не в одиночку.

Я давно уже не верю в хорошее и сразу заподозрил – это не Дед Мороз со Снегурочкой и не стая зайчиков. Черно-серые приятели доели лошадку и решили навестить ее хозяина. Вряд ли они раскаялись и захотели принести мне свои извинения. Похоже, тварям не хватило конины и они не прочь закрыть продовольственный вопрос человечинной. Я, разумеется, как раз против, но что могу поделать? Пик вечерней активности остался в прошлом – деградировал еще круче. Убить несколько волков? Не смешите. Но и сдаваться рано.

Что мы имеем? Имеем мы, по всей видимости, все тех же четырех тварей, очень похожих на крупных волков. Не верится, что рядом могут действовать две стаи. Раз так, то звери не голодны – они только что умяли лошадь. Но и назвать их стопроцентно сытыми язык не поворачивается: ведь сюда они пришли не просто так.

Что из этого следует? Отсюда следует, что животы у волков набиты, и звери вряд ли будут столь же агрессивны, как днем. Но и смотреть на меня влюбленными глазами не станут. Надо действовать, если не хочу оказаться там же, где моя лошадка.

Почему-то одна мысль о том, что меня могут сожрать хищники, вызвала приступ паники. Нет, я не люблю смерти во всех ее проявлениях, но ТАКОЙ почему-то боюсь гораздо сильнее, чем гибели, допустим, от попадания проглоченной сосиски в бронхи или приземления головой о бетонный козырек подъезда. Я почему-то совершенно точно знаю, что ТАК мне помирать нежелательно.

Удивительно, как много бреда выплывает в стрессовых ситуациях. Но одна польза есть – истощенный организм напрягся и выдал порцию адреналина. Лучший допинг, по счастью не запрещенный олимпийским комитетом, – даже мертвого способен поднять, что частенько используют реаниматоры, делая укол в сердце.

Звери пока что не разобрались с устройством моего шалаша или просто опасаются приближаться к остаткам костра. Но это не затянется навечно – в

любой миг могут заняться мною всерьез.

Поднявшись все с тем же хрустом, не сдержал болезненного стога и, перепугавшись еще больше, бездумно ухватил охапку заготовленных с вечера веток и швырнул на тлеющие угли. И тут же проклял себя за тупость: сырые дрова окончательно погасили и без того скромное сияние, выдав вместо огня облако удушающего дыма.

Шум за шалашом усилился, на фоне снега я отчетливо различил тень, пробирающуюся по направлению ко мне. Ухватив тлеющую деревяшку, с яростным криком ткнул огоньком в морду самой любопытной твари. Волки – существа опасные, но это просто звери. Вот и этот не исключение – испугавшись крика и огня, пулей отскочил назад, рыкнул, растворился в кустах. Недалеко ушел – несколько шагов, но в этом мраке разглядывать его бесполезно.

Раздув огонек на конце деревяшки, описал ею круг в воздухе, злобно заорал во тьму:

– Ну! Сюда! Я один! Вперед!

Никто не последовал моему призыву. И правильно – нормальный зверь не станет рисковать, нападая на бешено орущее существо, вооруженное кусачим огнем. Голодный или перепуганный может и не на такое решиться, но это не тот случай. Рано или поздно волки до меня доберутся, но пока что я заработал отсрочку.

Когда дымящиеся ветки наконец вспыхнули, я испытал ни с чем не сравнимое облегчение. Если зверей пугала тлеющая деревяшка, то такая иллюминация может до икоты довести. Еще охапку, сверху – пусть пылает.

Подкармливая костер, едва не рухнул в огонь – ноги подогнулись. Проклятье, я – конченная развалина! Мне и без волков недолго жить осталось – вот зачем еще они на мою голову свалились?!

Звери не рисковали высовываться из кустов, но меня это уже не успокаивало. Я собрал в округе все легкодоступные запасы дров – куча вышла приличная, но навечно ее не хватит. Что будет, когда останусь без огня? Нетрудно догадаться...

Погладил рукоять меча. Похоже, без драки не обойтись. Учитывая, что я сейчас и от зайца не в состоянии защититься, бой выйдет забавным...

* * *

Запоздалый зимний рассвет застал меня над еле теплящимся костерком. Ловя измученным телом жалкие крохи тепла, я с тоской косился на то место, где вечером возвышалась груда дров. Сейчас там было чисто – даже пучков прошлогодней травы не осталось. Когда хищники высовывались из кустов, я подкидывал в огонь это мгновенно сгорающее топливо, пугая волков вспышками пламени. Но с каждым разом они все меньше и меньше боялись этого безобидного представления.

В отличие от страха аппетит их усиливался...

Обернувшись через плечо, в очередной раз убедился: ничто не изменилось – четыре твари нетерпеливо притаиваются в зарослях, поглядывая на меня как-то нехорошо. Сейчас огонь догорит, и придет пора подводить жизненные итоги. Шансов отбиться у меня нет, укрыться негде, помощи ждать неоткуда. Выходов из ситуации не вижу да и не ищу их. Устал...

Вот стоило забрасывать человека в другой мир, чтобы он закончил так глупо?

Погодка зато радует: восток почти очистился от туч, солнечные лучи слепят, отражаясь от белоснежной поверхности присыпанной земли. Теплеет – к полудню все таять начнет, но я этого уже не увижу...

Еще раз обернулся, но увы: все та же беспросветная задница – волки ждут. Недолго им осталось... А вон где-то вдали тоже огонь горит – наверное, мелкая группа межгорцев прячется в холмах. Они это дело любят – чем укромнее уголок, тем больше шансов на них нарваться. Похоже, уверены, что чужих в округе нет, иначе бы не стали так демаскировать свое убежище.

Как ни тошно мне было, но мозг еще что-то соображал. Встрепенувшись, я уставился на столб дыма, поднимающийся над холмом. Не сказать чтобы густой – наоборот. Просто расстояние невелико, да и на фоне ясного неба (спасибо

погодке) рассмотреть легче.

Враги это? Друзья? Я не знал. Но готов променять компанию из четырех волков на что угодно. Хоть на всех чертей ада.

* * *

Мокрая заиндевевшая одежда трещала в руках и не желала занимать своего места на плечах. Отяжелела так, что для моих измученных рук стала сущим наказанием. Кожаный колет в одиночку и здоровому непросто надеть, а уж мне пришлось прилагать героические усилия. Забрался в него будто гусеница, после чего с хрипом и еле слышными проклятиями затянул все, что смог. Покосившись на кольчугу, отвернулся – это железо я точно брать не стану. Греть оно не греет, но, даже будучи почти шедевром местного кузнечного дела, весит не меньше полупуда. Будет возможность – вернусь и заберу. А не будет – так пусть ее ржа съест.

Брюки... Ну почему аборигены не додумались до молний и нормальных пуговиц вместо этих неуклюжих приспособлений? Они будто специально решили домучить то, что от меня осталось...

Выбрал две самые длинные головешки, взял в руки, кое-как поднялся. Ветра нет, а шатает – будто тополь в ураган. Эдак я вряд ли сумею быстро добраться до чужого очага. Тем более с такими спутниками...

Волки, как ни странно, вели себя прилично: молчаливо взирали на мои сборы, не предпринимая попыток подобраться поближе. Но и не особо скрывались – охотно демонстрировали свое присутствие, что наводило на неприятные предчувствия.

Погрозив им дымящейся головней, пригрозил:

– Глаза выжгу, если сунетесь!

Вряд ли они понимают человеческий язык, но угрозу должны почувствовать. Хорошо если поверят, что я и впрямь опасен. Сам я в такое не верил.

Первый шаг. Боги! Для меня и одного много, а сколько же их придется сделать еще! Колени при малейшей попытке согнуть сводило нестерпимой болью; суставы хрустели будто под ржавой пилой палача; щели ввалившихся глаз заливало слезами. Похоже, я слишком оптимистично решил, что у меня еще сохранился резерв сил. Ничего нет и уже не будет. Свалюсь, не пройдя и половины пути. Ведь не меньше двух километров надо преодолеть. Пустяк для здорового – и бесконечность для меня...

Боль, черные мысли, обреченность, а все равно продолжаю идти. Тот механизм, что позволяет человеку не думать о мелочах вроде координации движений, начал давать сбои. Я усилием воли по очереди переставлял ноги и поднимал падающую на грудь голову, чтобы через пелену слез рассмотреть далекую цель. Теряя равновесие, упирался в землю головнями, из-за чего они быстро растеряли огонь, перестав дымиться. Но я этого уже не замечал.

Не знаю, сколько продолжалась изощренная пытка, но, обходя замшелый валун, преградивший путь, я, в очередной раз упершись в землю потухшей головней, расслышал треск и, не встретив опоры, рухнул на бок, крепко приложившись ребрами о камень. От нестерпимой боли парализовало дыхание; утробно замычав, приподнялся на колени, обхватил живот, жадно начал хватать воздух ртом. Но тщетно – в горло он не проходил.

Когда в глазах уже начало темнеть, легкие все же набрались сил для последнего рывка. Воздух пошел, от спазмов я застонал, а потом закашлялся, орошая снежок алыми брызгами. Не надо быть доктором, чтобы осознать серьезность происходящего, но не время обращать внимание на новые неприятности – надо дойти, а уж там расслаблюсь.

Как бы не так – позади, совсем рядом, хрустнула веточка под звериной лапой. Оглянулся. Так и есть – знакомая стая. Подобрались на десяток шагов, смотрят внимательно, прямо как вчера. Хорошо запомнил эти милые взгляды: после них без лошади остался.

С трудом приподнял уцелевшую головню, попытался погрозить, но наконец понял – огня у меня больше нет. Волки, похоже, тоже догадались об этом – потрусили вперед с донельзя уверенным видом. Вряд ли собрались обнюхать мои сапоги – все гораздо хуже.

Ухватился за рукоять меча, с натугой вытащил клинок из отсыревших ножен, неловко взмахнул, зловеще осклабился. То ли морда моя выглядела многообещающе, то ли в жизни волков уже бывали ситуации знакомства с кусачей сталью, но зверей проняло. Замерли, самый прыткий опустил голову к земле, глядя исподлобья, оскалил клыки, утробно зарычал.

Направив на него острие кривого меча, хрипло пообещал:

– Просто так вам меня не взять. Хоть одного, но отоварить успею. Пошли вон!

Шагнуть в сторону настороженных хищников передумал. Вряд ли мое движение покажется им слишком уж угрожающим. Походка у меня сейчас – будто у бревна, кантуемого бригадой упившихся грузчиков.

Обернувшись, увидел, что дым редет: осторожные межгорцы не поддерживают костра или очага при свете дня. Проклятье! Если не пошевелюсь, то не смогу видеть, куда мне надо идти. Я сейчас в таком состоянии, что других ориентиров не в силах воспринимать. Еще и волки на пятки наступают. Что там инструкторы советовали для подобных случаев? Забраться на дерево, вырезать деревянное копье и подколоть сверху самого прыткого? Хотел бы я посмотреть, как они проделают такой фокус без рук и ног – это будет даже немногим лучше моего теперешнего состояния.

* * *

Вскоре я вновь упал, и опять неудачно – разбил лоб о камни. Вожак стаи, воодушевившись зрелищем человеческой неуклюжести, рискнул приблизиться, но от боли и ошеломления я на миг стал чуть сильнее изможденного дистрофика и сумел так ловко взмахнуть мечом, что едва не задел звериный нос. Блеск стали хищника и впрямь пугал – он пулей отпрыгнул назад и, не сводя с меня взгляда, начал торопливо опорожнять кишечник. Верный признак душевного разлада.

Хорошо, что он не знал правды: эта неуклюжая вспышка была последним приветом от бывшего Дана. Дальше тело и разум начали отказывать всерьез. Смутно помню, что брел, уже не видя куда, завывал на волков, не в силах угрожать членораздельно, падал, полз на какой-то склон, ломал ногти о

каменистую почву, скатывался по мокрой глине. В какой-то момент потерял плащ, и это помогло – ползти стало веселее, а хищники приотстали, изучая брошенную часть гардероба. Вряд ли это надолго их задержало, но в моем случае во благо даже минутный отдых от звериного присутствия за спиной.

Почему они меня не разорвали? Не знаю. Может, и впрямь опасались, что я способен пощекотать их сталью. Звери голодные, идти на риск, даже такой мизерный, сочли необязательным. Или решили, что жертва сама вот-вот упадет окончательно, избавив их от хлопот с умерщвлением.

Медлительность их погубила. А еще, вероятно, сильно увлеклись, не заметив, что приблизились к кое-чему более опасному, чем почти мумифицированный сэр страж.

К тому моменту я дошел до состояния мычащей скотины, продвигавшейся вперед на голых рефлексах. К теплу, к людям, к отдыху, а может, и к лечению. И подальше от волков – конина в их желудках не вечна, и на место переваренного мяса они быстро определяют мои жалкие кости. Когда впереди слышался шум, я не смог разглядеть его источника. Глаза показывали лишь свет и какое-то темное пятно в нем, стремительно приближающееся странными рывками.

Решив, что один из волков преградил мне дорогу, я только тут понял, что продолжаю сжимать в руке меч. И даже удивился этому немыслимому явлению – в моем состоянии странно, что головы не потерял, не говоря уже об оружии.

Я даже сумел сделать большее – попытаться поднять клинок, достойно встретив приближающегося хищника. Но куда там – ставший неподъемным меч упал, а следом рука проломилась, и лицо зарылось в пожухлую траву. Где-то впереди то ли ворона прокаркала, то ли человек странно хриплым голосом прокричал, но тень, до того момента летевшая прямо на меня, внезапно изменила курс, жабыми прыжками обогнула мое беспомощное тело и пропала из поля зрения.

А потом за спиной началась бойня. Я не видел, что там происходит, но звуки не оставляли простора для неуверенных предположений. «Моих» волков убивали. Деловито, без угрожающих криков и звона стали. Удары, треск ломаемых костей, сочно-отвратительный шум, с которым разрывается плоть, отчаянный визг улетающих хищников, неожиданно превратившихся в дичь.

В угасающем сознании билась лишь одна мысль: кто-то в одиночку вышел против четверки матерых волков. Не знаю, друг он мне или враг, но если последнее, то нечего и думать о сопротивлении. Все, Дан, – ты окончательно приплыл.

Но упрямство мое было безграничным. Я слепо шарил в траве, пытаюсь найти потерянный меч. Но тщетно. Земля тут, похоже, под уклон идет, и он скатился вниз. Попытался свалиться следом, но и этого не получилось – чтобы добраться сюда, я выложился без остатка. Ноги на месте, руки тоже, вот только опираться на них невозможно. Они просто отказываются шевелиться в нужных мне направлениях. Это финиш.

Шум схватки затих. Если победили волки, то теперь моя очередь. Если звери проиграли, то как бы не пришлось об этом пожалеть...

Когда за волосы грубо потянули, задирая голову вверх, я даже не смог моргнуть, чтобы прогнать влажную пелену из глаз. Веки опустились, и поднять их уже не получилось.

Глава 6

А обещали принцессу...

Когда-то, не столь уж давно, в моей непростой жизни был благодатный период прекрасных пробуждений. Когда, нехотя потягиваясь, неспешно поднимаешься, лениво зеваешь до хруста в нижней челюсти – торопиться некуда. Или подсакиваешь по звонку и, чертыхаясь, натягиваешь штаны, потому что замедлять процесс не позволяет лимит времени. Или даже ругаешься, если, досматривая сон про самого себя в компании с парочкой легкомысленных блондинок, не сумел найти в себе сил, чтобы оперативно отреагировать на дребезжание будильника.

Сладкое времечко осталось в прошлом. Теперь мои пробуждения сродни восстанию из гроба. Так же мрачно, страшно и неубедительно. Особенно сегодня. Ну не могу поверить, что дожил до нового дня. А может, это не день?

Вечер? Ночь? Открывать глаза не спешу, да и не уверен, что веки исполнят приказ. Что нам говорят органы слуха? Ничего не говорят – или оглох, или тишина мертвая. А нос что подскажет? Тоже ничего – похоже, забит цементной пробкой.

Стоп! Я не оглох! Звук! Какое-то непонятное дребезжание, затем треск деревянный, и, похоже, бормочет кто-то. Не понять, далеко или близко: уши работают безобразно. Впрочем, как и все остальное.

Господи, ну как же мне хреново...

Веки поднялись со второй попытки – от натуги в голове болезненно хрустнуло. Зря старался – ровным счетом ничего не увидел. Унылая серая пелена. Ослеп? Может, и так... Это предположение не напугало – безразличие. Одно сейчас волнует: жажда. Дикая жажда. Есть старое проклятие: «Чтобы тебе никто воды умирающему не подал». Начинаю понимать его смысл.

Хотя это казалось невозможным, но я сумел разлепить спекшиеся губы и пробормотать:

– Ы-ы-ы-ы-ы-ы...

Само собой, подражать косноязычной корове не хотел, но произнести «воды» не получилось.

Треск затих, затем серое марево перед глазами осветилось от огонька на кончике длинной щепки. Горящую лучину сжимала костлявая рука с узловатыми пальцами, увенчанными заскорузлыми ногтями. Я заподозрил, что физиономия обладателя столь безобразной конечности вряд ли усладит мой привередливый взор, но зажмуриться не успел – в поле зрения всплыло лицо, которое я менее всего ожидал увидеть. Не являюсь поклонником поп-музыки и всего, что с ней связано, но эту певицу знаю. «Вечно молодая» вульгарная старушенция, украшенная прической времен давно ушедшей социалистической моды, с грузом неугомонных амбиций, разрушающих все то хорошее, что, возможно, в молодые годы сделало из нее звезду. И еще пикантная черта характера, из-за которой я, даже забредая на относительно серьезные сайты, пробегая взглядом по заголовкам, поневоле узнавал все новости, касающиеся ее личной жизни. Пресса обожает все необычное или извращенное, и эстрадниц, питающих нежную

привязанность к юношам, годящимся им во внуки, ни за что не пропустит.

Нет, хоть я такой музыки не слушаю, но ничего не имею против этой исполнительницы в частности и особенностей современной эстрады в общем. Попса живет своей жизнью – я своей. И сейчас мне неясно одно: как эта карга здесь нарисовалась?!

В следующий миг стало понятно, что обознался, – старуха улыбнулась. Нет, я все могу понять: кризис, демпинг пиратских альбомов и халявных сайтов, откаты музыкальной мафии и пришедший во время еды аппетит – с деньгами даже у матерой звезды может быть туга. Но не настолько, чтобы «поп-дивы» щеголяли слюнявыми деснами, кое-где «украшенными» обугленными пеньками сгнивших зубов. Да и маникюр странноватый даже для рокера-сатаниста. И к созданию прически стилисты непричастны – над ней, похоже, ураганный ветер поработал, а обманулся я из-за сумрака и вывертов подсознания, ищущих знакомое там, где его нет. Одежда опять же не от итальянских брендов и даже не от «секонд-хенда». Нечто до умиления самобытное. Такое впечатление, что бабушка бегала по лесу, пока не собрала на себя всю паутину, – получилось нечто вроде мерзко выглядывшего кокона, в прорехах которого проглядывало давненько не мытое тело.

– Король! Гляди! Кажись, мужчинка очнулся. Глазенки вытаращил. Ну чего мычишь, болезный? Поди, по девкам скучаешь?

Если и было в данный момент что-то, о чем я скучал менее всего, то это как раз девушки. Но старуха, похоже, в мои невинные помыслы не верила.

– Вот! Вижу! Все зло от девок! Всегда так. Вот почему ты здесь очутился? Скажи без утайки: баба виновата?

– Ы-ы-ы-ы-ы...

– Король, чего он опять мычит? Дам-ка я ему воды – может, заткнется или чего приятного скажет.

Душа моя тут же переполнилась благодарностью к странной старухе. Пусть чудит, как ей заблагорассудится, лишь бы напоила.

Воды мне дали неудобным способом – выжали в рот мокрую тряпку. Выглядела она так, будто ею не меньше года драили полы в туалетах общежития для африканских студентов, но сейчас не тот случай, чтобы привередничать. Кашляя и рыдая от раздражающей горло и бронхи боли, я давился упоительной влагой, стараясь не потерять ни капли. Старуха при этом продолжала разговаривать с невидимым собеседником:

– Король, а ведь он не старик. Просто потасканный какой-то. Где ж нашего парня носило? А? Здесь ведь никто никогда не появляется с севера. Ну кроме бродяг морских мимолетных. Но этот точно не из-за моря пришел. Вон – глазки будто у теленка. И немощь у него непростая. Ох непростая... Король, а может, он из ваших? Нет? Вот и я так думаю.

Сомневаюсь, что в пещере (а я уже понял, что нахожусь в каменном гроте) присутствует особа королевской крови. Весь мой жизненный опыт подсказывал, что одиноко живущая женщина слегка (а может, и не слегка) тронулась умом и теперь может разговаривать с чем угодно. В лучшем случае с собакой или ночным горшком. В худшем – с однорогим демоном, который ведет ее по жизни с помощью разнообразных полезных советов. В частности, любит рекомендовать умерщвлять приходящих с севера путников самыми жестокими способами. Я в принципе уже не против упокоиться, но хотелось бы не мучиться – и без того натерпелся.

Дай мне волю – пил бы, пока не лопнул, но – увы, не дали. Вожделенная тряпка исчезла, а затем старуха деловито разобралась с завязками на поясе и непринужденно заглянула в штаны. Свои действия она прокомментировала нерадостно:

– Смотри-ка, Король, стручок у него и впрямь как у молоденького. Мясистый, сочный. Да только какой нам от него прок, если разлегсядохлым червяком.

После этих настораживающих слов бабка с надеждой подергала за предмет своего интереса и разочарованно добавила:

– Совсем плохо. Чую я – не поднять червяка на дело. И как же мы с ним поступать будем? А? От него ведь, получается, пользы вообще никакой. Король, думаешь, он пойдет на поправку? Или не стоит браться за зряшное? Я вот даже не знаю, как тут быть. Но стручок уж больно хорош, даже спокойный, – очень

охота его в мужском деле посмотреть. Эй! Ты! Я не дала тебя волкам сожрать. И напоила. И помочь могу – ведаю, как людей лечить. Но только службу придется сослужить. Мне службу. Приятную.

На последних словах старуха попыталась игриво хохотнуть, но вместо этого прокаркала столь гнусно, что, услышь этот смех сексуальный маньяк на пике своей озабоченности, вмиг бы превратился в неоперабельного импотента.

Хозяйка пещеры и сама поняла, что быстрого положительного ответа от меня ждать не стоит:

– Молчишь? Не мычишь даже? Вот все вы такие, гуляки. Молоденьких вам подавай. Вот скажи честно: хоть капельку я тебе нравлюсь? А? Молчишь... Ну да мы не гордые: нравится или нет, а за службу отплатить все равно придется. И если не хочешь, чтобы Король твой стручок под корешок оборвал, то думай, как бы побыстрее мужскую силу набрать. Ведь место тут тихое, парней мы давно не видали. Соскучились. И если думаешь, что с Королем шутить можно, то посмотри на него как следует. Ну?

Понимая затруднения «гостя», старуха без нежностей завернула мою многотрадальную голову набок. Перед глазами мелькнула стена пещеры, загроможденная связками хвороста, разохшимися бочонками, корзинами, какими-то досками и ящиками. А потом я увидел Короля, восседавшего на каменном полу.

И вырубился. Слишком серьезная картина для человека в моем состоянии.

* * *

Не знаю, долго валялся в отключке или как, но, когда вновь пришел в себя, подозрительных звуков не услышал. Полная тишина. Рискнул приоткрыть глаза. Беззубой старухи в поле зрения тоже не оказалось. Полный мрак. Или ночь, или без источников света здесь всегда так.

Надо прикинуть, куда я на этот раз угодил. Хоть и развалился до состояния полной немощи, но мозг почему-то работает относительно здраво, и грех этим не воспользоваться.

Что мы имеем? Имеем обжитую пещеру. Ничего странного: в современном Межгорье это обычное дело. Обитает здесь как минимум один человек. Та самая озабоченная старуха. И при ней Король. Если мне не померещилось после всего пережитого, то сия титулованная особь относится к обширному семейству образин, именуемых аборигенами «погань». Местная нечисть.

Стоп! А почему ты так решил?! Может, просто зверушка пещерная.

Ага... ну как же... Зверье, в каком бы мире ни обитало, подчиняется общим законам биологии. Если что-то и нарушает, то по мелочи. А здесь налицо бред в особо крупном размере. Вот возьмем обычных позвоночных. Кистеперая рыба зачем-то выбралась на сушу, словила кайф от кислорода и назад не вернулась – превратилась в амфибию. В итоге земноводные бегают на четырех конечностях – эволюционировавшие плавники. Но и жираф тоже на четырех саванну топчет, а ведь он про рыбу знать ничего не знает – слишком далеко от нее ушел. Человек вроде как на двух передвигается, но это потому, что он в ходе эволюции взвился на дыбы и стоял так до тех пор, пока передние ноги не превратились в руки. А у птиц они стали крыльями.

При этом и у рыб, и у жирафа, и у канарейки – по два глаза.

А вот с Королем все не так, как должно быть. Пухлая подушка из непрерывно колышущейся желеобразной белесой массы, четыре многоколенчатых паучьих лапы по углам и единственный здоровенный круглый глаз на тонком подвижном стебле, располагающийся строго посередине «конструкции». Размер у твари с журнальный столик. Понятия не имею, куда такого уроды можно записать. Канарейке или жирафу он вряд ли родственником приходится.

Мне уже доводилось однажды краем глаза видеть нечто столь же сюрреалистическое. Громадный монстр, именуемый в простонародье «бурдюк». Отряды погани с его помощью проделывали бреши в защитных сооружениях. Не сказать, что он сильно похож на этого одноглазого, но что-то общее между ними есть.

Кстати, затейница-старушка недвусмысленно намекнула, что, если я не подарю ей энного количества романтических ночей, Король сделает со мной нечто неприятное. С одной стороны, есть плюс – она с пониманием отнеслась к моей «нетрудоспособности» и вроде как собралась подлечить. К гадалке можно не

ходить – передо мной та самая ведьма, какую искал. Возможно, она знает что-то как раз для таких случаев. Даже если не вернет былой силы, может, хоть на ноги ковылять поставит? С другой... Чем бы ни обернулось лечение, бабка плату потребует непременно. Хотя знаком я с ней всего чуть, но ни капли не сомневаюсь – эта карга свое из пасти крокодила вырвать способна. Чуть что не так – натравит Короля.

И что он со мной может сделать? Не знаю, но, хотя любовался на него недолго, запомнил когти на суставах лап. Особенно бросались в глаза похожие на ножи роговые лезвия серпами, загнутые кверху, чтобы не мешали при ходьбе. Таким можно слона парой движений выпотрошить. Наверняка это не все смертоносные сюрпризы. Теперь понятно, кто меня от волков спас.

Боги, да что это я о ерунде думаю! Меня сейчас не то что порождение погани – дважды упомянутая канарейка легко заключет!

Позиционный тупик. Ночь любви я сейчас даже прекрасной принцессе не смогу организовать, а уж этой престарелой нимфоманке, в сравнении с которой даже Баба-яга – топ-модель...

Ладно. Все равно альтернативы нет. Удрать я не могу. Да и некуда. Буду валяться и дожидаться результатов лечения. Глядишь, и поможет, а там и о побеге можно будет подумать. Я не нанимался подозрительных бабок ублажать. Мне вообще-то по сюжету принцесса положена.

Спать, Дан. Не грузи голову. Все равно пользы от этого пока что не предвидится.

* * *

В пещере не было ни дня, ни ночи. Или полный мрак, или мрак, слегка рассеиваемый тусклым огоньком лучины. Я выпал из времени. Лежал часами, а может, сутками, страдая от жажды и нестерпимо-болезненных судорог в беспомощном теле. Как избавление принимал появление старухи с ее грязной водянистой тряпкой, унижительными осмотрами и даже попытками эротического стимулирования, проводимыми параллельно со сменой «памперсов» из древесной стружки и мха. Иногда тряпку окунали в парящий травяной отвар, из-за которого во рту прочно прописалась нестерпимая горечь. Несколько раз

ведьма ставила иглы из рыбьих костей, делая это со сноровкой китайского целителя. Пару раз окуривала чем-то настолько едко-вонючим, что даже отключившееся обоняние просыпалось. Бывало, что после этих процедур отступала боль, временами возвращалась подвижность в руки. Но чаще всего результата не наблюдалось, или даже наоборот – меня накрывало еще сильнее.

Я разучился спать. Большую часть суток проводил в полудреме, наполненной болью, отрывками воспоминаний и неистовым желанием устраниваться от безрадостной действительности. Надеюсь когда-нибудь подняться и уйти. Зачем и куда, не представлял – наверное, просто привык куда-то идти.

Не знаю, как долго длилось это растительное существование. Может, пару дней, а может, вечность. Но однажды в замкнутый мирок забытой всеми пещеры вторгся внешний мир.

Привычно пребывая на границе между сном и явью, я не сразу понял, что происходит. Счел безобидным элементом бреда. Подумаешь – всего-навсего голоса. Незнакомые голоса. Мужские.

* * *

– Да что здесь за вонь такая! Ох и грязищу ты развела – в таком хлеву и свинье жить брезгливо! А это что?! Лень было закопать или хотя бы подальше оттащить?!

Голос жесткий и требовательный, но отдает дешевкой. Складывается впечатление, что его обладатель сильно преувеличивает свою цену и пропорционально преуменьшает чужую.

– Так чего оттаскивать, если живой он!

А этот скрип мне знаком – бабушка-затейница отзывается. Голосок у нее сегодня возбужденный как никогда, но одновременно и чуть заискивающий.

– Живой? А с виду не скажешь. Ох и тощий: кожу небось втроем на скелет натягивали. Откуда взялся? Ты ж вроде без мужика тут обитала.

– Сама-сама! – зачастила старуха. – Но вот намедни Король волноваться начал, так я от греха наружу его спровадила – и сама следом. Мало ли что там, глянуть не мешало. А он прямиком за холм, к старой дороге, и уж там, когда я, за ним ковыляя, поворот миновала, увидала этого болезного. Полз он без сил, а пятки уже гримы-недоделки покусывать собирались. И так они этим делом озаботились, что Король исхитрился близко подобраться и наброситься. Он, если дело не в полдень, ловко умеет охотиться. Крепко порвал пару черных – едва ушли от него. А болезного я сюда притащила.

– И на хрена он тебе сдался?!

– Так это... Выходить хотела. Глядишь, и сгодится в хозяйстве для чего-нибудь.

– Тьфу! Старая! О смерти думать давно пора, а все туда же!

– Ага. Стайрис говорил, что ее раньше брали с собой, когда в проливы ходили малой стаей. Она пару галер за вечер могла обслужить. В охотку ей это дело. Правда, старая?

Опять незнакомый голос. Тоже мужской, но спокойный, добродушный. Не похоже, что его обладатель считает себя хозяином всей земли, – вообще амбиции незаметны.

– Хорошие были деньки... – неопределенно ответила старуха.

– Кончай языком трепать – мечи все на стол! – потребовал первый. – Клош о горячем от самой реки мечтает, да и я тоже.

– Даже не знаю, чем и потчевать вас...

– А чего здесь знать – жидкого живот просит. Горшок хоть есть на похлебку?

– Для хороших людей посуду всегда найдем.

– Так ищи давай. И вымой ее хорошенько. Коренья есть или хотя бы травы? Что сама тут жрешь?

– Есть корень камыша и лопуха, рыба подвяленная с дымком, орех водный, лук и капуста.

– А чеснок есть?

– Нет. Король его запаха не любит.

– Жаль. Люблю я сало с чесноком пожевать, да только свой закончился. Но если жрать одно сало да сухари, как мы, целую неделю, – то золотом готов за жидкую юшку заплатить.

– А сало осталось?

– Да куда оно денется. У Гоба в мешке шмат нетронутый.

– Построгать в похлебку хорошо бы. Наваристо выйдет.

– Жир один, но ладно – главное, поторопись. А там, может, подстрелю что-нибудь повкуснее, если всю дичь твой уродец не распугал.

От полученной информации глаза сами собой раскрылись, а захлопнуться не успели – надо мной внезапно склонилась бородатая мужская морда. Сверля колючим взглядом, она высказалась угрожающе:

– У! Скелет! Зыркает! Нехороший у него взгляд. Умный больно, хоть и болезный. Откуда он здесь взялся, такой хитрый?

– А я почему знаю? По следам – от реки пришел, но по следам я далеко не ходила. Дошла до плаща брошенного и назад вернулась. Плащ хороший, не из дешевых. Да и остальная одежда непростая, только очень грязная и подранная местами. Но не ветхая.

– Может, украл?

– Может, и так, – согласилась старуха. – Но сдается мне, что из благородных он.

– Да в Межгорье через одного благородного встретить можно. Старые Кенгуды, когда их ублажали, на титулы не скупились. Где еще увидишь, чтобы дворянин, завернувшись в отрепья, драных коз пас? Медяк цена их благородству. Чего встала? Давай горшок доставай! Гоб, очагом займись, а то эта ведьма до ночи копать будет.

* * *

Сражаясь с апатией и подступающим забытьем, я ухитрился продержаться до обеда не сомкнув глаз. Пришельцы готовку и прием пищи устроили у входа в пещеру. Это было недалеко от места, где располагалось мое ложе, и можно было прислушиваться к размеренным беседам – после голодухи или тяжелых испытаний за едой у многих языки развязываются. Эта парочка не являлась исключением.

Тело бездействовало, но мозг иногда радовал меня здоровыми мыслями. Я все больше поражался бездонной глубине той зад... неоднозначной ситуации, в которой оказался.

Заносчивого бородача звали Мараш, а второго, спокойного увальня, – Гоб. Может, клички, может, имена – не знаю. Но одно знаю наверняка – оба они демы. Те самые «дети могил», о которых я слышал много плохих вещей и ни одной хорошей. Предатели рода человеческого, прислуживающие нечистой силе. Обитатели южных заморских земель, в которые нет дороги нормальному человеку. Пираты, чьи непобедимые галеры наводят ужас на все цивилизованные побережья. Жестокие вандалы, сметающие города и деревни, страшно убивая стариков и забирая остальных в рабство, из которого нет возврата.

Демы не занимаются дипломатией. Демы убивают без разговоров и лицемерных оправданий. И делают это с великим удовольствием и дурной привычкой затягивать муки жертв. Не будь погани, аборигены ни за что не стали бы терпеть такой напасти. Забыв о дрязгах, объединились бы и выжгли гнезда ублюдков. Но с такой крутой защитой ренегаты могут чувствовать себя в безопасности – ни одна армия не сунется в земли, давно контролируемые темными. А вот для них весь мир открыт. Перепуганные владыки туземных государств позволяют инквизиторам делать все, что им заблагорассудится, лишь бы не допускали засилья вражеских шпионов. Но, по слухам, черная братия

демам не слишком мешает – они всегда все про всех знают, а вот про то, что творится на их берегах, можно лишь гадать, довольствуясь сомнительными байками.

Ни Мараш, ни Гоб ни разу не признали вслух своей принадлежности к силам тьмы. Но мне это не требовалось – улики хватило. К примеру, они упоминали о галерах и проливах, к которым ходили их корабли. Я мало что знаю о местных флотах, но наслышан о морских засадах демонов. Да и посудины они свои называли характерно – у нормальных людей слышал лишь про струги и когги.

Ручной монстр к пришельцам отнесся индифферентно, а это интересный штрих. И пусть я не знаток тонкостей психологии погани, но зато хорошо представляю реакцию нормального человека при виде такого создания. Крики, хватание за оружие, паническое бегство или яростная атака. А эта парочка восприняла присутствие уродца как должное.

Хотя все это, конечно, ерунда на фоне главного. Главное, что выдало их гнилую античеловеческую натуру, – сало.

Местные жители анекдотов про пристрастие хохлов к подкожному жиру свиней не поймут. Для них выслушивать подобное так же неприятно, как для нас, допустим, внимать рассказам о пожирании заживо грудных младенцев под соевым соусом. Свинина здесь не просто продукт животноводства – это жесткое табу, которого нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах. Можешь человека съесть, если сильно припечет, но к хрюшке не вздумай даже пальцем прикасаться.

А эти ребятки неоднократно жаловались на то, что целую неделю питались только салом и сухарями. Испытанная временем солдатская диета, но это на Земле – здесь первая часть подобного «пайка» доступна лишь демам.

Я лежал и слушал – больше мне ничего не оставалось. Демы, к сожалению, не унижались до детальных объяснений причины их появления здесь. Но имеющему уши достаточно легких намеков.

Картина складывалась простая, хотя и нуждающаяся в прояснении отдельных моментов. Мараш был офицером, командующим высадкой на берег, – главный «морской пехотинец» на корабле. Гоб – один из его рядовых. Их галера зашла в

какую-то реку, чтобы «потеребить Кенгуда за вымя». Первоначально я думал, что речь идет о рейде за добычей, но, когда услышал, что река называлась Ибра, понял, что ошибся. Пиратствовать на границе Ортара невыгодно: мирных поселений там вообще нет, а брать добычу с крепостей себе дороже. Скорее всего, разведка.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Галенит – свинцовый блеск. Минерал, сульфид свинца (PbS). Основная свинцовая руда. Часто содержит примеси других металлов, обычно добывается вместе со сфалеритом (сульфид цинка) и сульфидами других металлов.

2

Купеляция (купелирование) – (от фр. *coupelle* – разделительная печь; буквально – чашечка) – окислительное плавление сплавов благородных металлов с целью выделения их в чистом виде.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/artem-kamenistyj/rozhdenie-pobeditelya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)